

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

САНДРА БРАУН

НОВЫЙ РАССВЕТ

Сандра Браун
Новый рассвет
Серия «Коулмены», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4602345

Новый рассвет / Сандра Браун ; [пер. с англ. М. Сапрыкиной, Е. Токаревой]: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58200-6

Аннотация

Дикая, бескрайняя земля Техаса, такая же яростная и необузданная, как страсть, вспыхнувшая в сердцах юной Бэннер и одинокого бродяги-ковбоя Джейка, старого друга ее родителей. После несостоявшейся из-за предательства жениха свадьбы Бэннер, сжигаемая противоречивыми чувствами, проводит ночь с Джейком. В это время ее отвергнутый жених, желая отомстить, обращается за помощью к расчетливой хозяйке местного борделя, Присцилле. Ей известно многое о Джейке, и она не прочь отомстить ему за прошлые обиды...

Содержание

Пролог	4
1	13
2	22
3	33
4	43
5	55
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сандра Браун

Новый рассвет

Пролог

Человек неуклюже поднялся, вытащил пистолет, взвел курок, прицелился. Огромным задом задел стол, стол заскрипел, стаканы с вином закачались, один опрокинулся. Из пепельницы выпала сигара и прожгла дырочку в зеленом сукне.

Джейк Лэнгстон устало вздохнул. Он пришел поиграть в покер, выпить стаканчик виски, поразмяться часок-другой в одной из постелей наверху – игра, выпивка, секс – все равно что, лишь бы убить оставшееся до поезда время. А его втянули в карточную перебранку с этим деревенщиной. Хотелось надеяться, что Кэрмет, или как там его, лучше управляется с плугом, чем с пистолетом.

– Так я, говоришь, передергиваю? – спросил фермер.

Бедняга не привык пить, разве что пивка субботним вечером, так что сейчас трезвым его трудно было назвать. На ногах он держался, но покачивался, как моряк на палубе во время шторма. Мясистое лицо вспотело и побагровело, пистолет, направленный прямо в грудь Джейку, дрожал в неумелой руке.

– Я только сказал, мне сдается, тузы-то у тебя в рукаве. Больно хорошая карта тебе идет. – С бесстрастным лицом, сдерживая ярость, Джейк потянулся к стакану, стоявшему у его правой руки, – а уж эта рука умела держать оружие, – и медленно отпил глоток.

Взгляд фермера беспокойно забегал по темному, похожему на пещеру бару. Он вдруг понял, что все глаза устремлены на него. Никто не двигался. Как только началась заварушка, музыка смолкла. Толпа игроков опасливо отхлынула от брошенного в озеро камня. Фермер пыжился изо всех сил.

– Врешь. Я не мухлевал. Попробуй обыщи меня.

– Ну ладно.

Через минуту все было кончено. Только те, кто стоял совсем близко, разобрались и позже рассказывали, что же на самом деле произошло. Джейк вскочил, гибким, молниеносным движением выхватил пистолет, ударив фермера по руке. Прогредел выстрел, и пуля ушла в пол, никого не задев.

Кэрмет судорожно сглотнул, сдавленно вскрикнул. На него смотрели глаза, холодные, как сосульки, что намерзают на карнизе от сырого январского ветра. Глаза куда более опасные, чем направленное ему в лицо дуло. Противник был легче килограммов на пятнадцать, но страшен, как готовая прыгнуть пантера.

– Бери половину монет. Они твои по праву.

Фермер, сминая банкноты, торопливо закинул их в карманы штанов. Он походил на лисицу, попавшую в капкан и готовую лапу себе отгрызть, лишь бы вырваться на волю.

– Теперь подбери свою игрушку и вали отсюда.

Кэрмет повиновался. Просто чудо, что ему удалось благополучно опустить курок трясутыми руками и засунуть пистолет в кобуру.

– Мой тебе совет, научись сперва жульничать и не попадаться, а потом уж приходи снова.

Фермер ретировался, клянясь себе, что ноги его больше здесь не будет. Он чувствовал и унижение, и облегчение: все-таки остался цел, а не валяется на полу, истекая кровью, и даже не придется возвращаться домой пустым и слушать бесконечное нытье жены.

Пианист вновь заиграл подпрыгивающий, пронзительный мотивчик. Клиенты игорного зала неторопливо расходились к своим столам, покачивали головами, ухмылялись. Забытые в пепельнице сигары снова задымались. Бармен немедленно принялся наполнять стаканы.

– Извините, коли помешал, – дружески обратился Джейк к игрокам и сгреб свой столбик монет из кучи выигранных денег. – Остальное поделите, – кивнул он на деньги, которые фермер благоразумно оставил на столе.

– Спасибо, Джейк.

– Пока, Джейк, до встречи.

– Мог бы убить его – он ведь целился тебе в грудь.

– Еще как мог. Мы бы прикрыли тебя.

– Черт бы побрал этих мужланов.

Джейк пожал плечами, повернулся и вышел, оставив приятелей обсуждать случившееся. Он достал из кармана рубашки тонкую сигару, откусил кончик, сплюнул на пол. Чиркнул спичкой, закурил и, петляя между столиками, направился к дубовой стойке, тянувшейся вдоль стены. По слухам, ее привезли в Форт-Уэрт по кускам из Сент-Луиса и тщательно собрали уже на месте. Она была покрыта затейливой резьбой, украшена зеркалами и уставлена бутылками и стаканами. Все сияло чистотой. Хозяйка не переносила пыли. Вдоль медного барьера были расставлены медные же плевательницы. Плевать на пол в «Райских куцах» Присциллы Уоткинс строго воспрещалось – об этом возвещали расклеенные там и тут написанные от руки таблички.

Джейк улыбнулся. Натертый до блеска пол – предмет гордости хозяйки – был осквернен пеплом его сигары. Со странным удовольствием Джейк убедился, что шпоры оставили царапины на гладкой поверхности. Он опять едва заметно усмехнулся одними уголками большого тонкогубого рта. Присцилла. А вот и она сама, стоит на нижней ступеньке винтовой лестницы, блистательная, как царица Савская. В ярко-красном атласе, отделанном черными кружевами. Ни один мужчина не пройдет мимо. Так было всегда. Джейк впервые встретил ее почти двадцать лет назад, тогда она носила застиранные ситцевые платица, и все равно – все оборачивались на нее.

Ее белокурые, пепельного оттенка волосы были собраны в высокую прическу и украшены пурпурным страусовым пером. Перо свисало на щеку и как бы заигрывало с раскачивающейся в ухе блестящей черной серьгой. Присцилла важно, по-королевски наклоняла голову.

И в самом деле, этот бордель был ее королевством. Она управляла им как всевластный деспот. Если девушек, слуг или гостей не устраивали ее распоряжения – их немедленно выставляли вон. Зато весь Техас в том, 1890 году знал, что «Райские кущи» в Форт-Уэрте – лучший бордель в штате.

Стуча комнатными туфельками, Присцилла спустилась вниз и остановилась на последней ступеньке. За ней шлейфом тянулся мускусный запах парижских духов. Она подошла к стойке. Джейк пригубил виски.

– Мистер Лэнгстон, из-за вас я потеряла клиента.

Джейк даже головы не повернул, только кивнул бармену, чтоб налил еще порцию.

– Ну, одного-двух ты можешь потерять. Не разоришься, Прис.

Это обращение выводило ее из себя. А ему нравилось так ее называть – как нравилось корябать пол в ее баре. Только старым друзьям позволялось называть ее «Прис». Но были ли они с Джейком друзьями? Или врагами? Она никогда не знала наверняка.

– Почему так: месяцами все идет хорошо, а ты появишься – начинаются беспорядки.

– Правда?

– Всегда так.

– Этот деревенский чурбан целился в меня. Чего б ты хотела? Чтоб я подставил другую щеку?

– Ты сам начал.

– Он мошенничал.

– Я не хочу беспорядков. На этой неделе шериф приходил уже дважды.

– По делу или развлечься?

– Я серьезно, Джейк. В городе опять шум подняли, хотят закрыть меня. Каждая заварушка...

– Ладно, мне очень жаль.

Присцилла вздернула подбородок и засмеялась.

– Вряд ли. Ты всегда так. Или в игорном зале потасовку устроишь, или девочек моих перебудоражишь.

– Неужели?

– Они дерутся из-за тебя, и ты, черт возьми, знаешь это, – огрызнулась Присцилла.

Джейк обернулся, посмотрел на нее, ухмыльнулся без тени смущения.

– Дерутся? В самом деле? Будь я проклят.

Присцилла окинула его оценивающим взглядом. Да, выглядит Джейк отлично, и вдобавок это приобретенное с годами высокомерие... Он не был больше неоперившимся юнцом, он стал мужчиной, и таким, с которым приходится считаться и мужчинам, и женщинам. Присцилла похлопала его по груди веером из перьев.

– С тобой лучше не связываться.

Наклонившись, он конфиденциально шепнул:

– Отчего ж в таком случае ты всегда рада мне?

Рот Присциллы раздраженно скривился. Но она не устояла перед подкупающей улыбкой Джейка.

– В моем кабинете найдется виски получше этого. – Она положила руку ему на рукав. – Пойдем.

Они пересекли зал. Все смотрели им вслед. Не родился еще мужчина, способный устоять перед Присциллой. Она была откровенно, животно привлекательна, а рассказы о том, что она выделывает в постели, превращали ее в живую легенду. Конечно, надо делать скидку на склонность мужчин преувеличивать, когда речь заходит об их сексуальных подвигах, но историй о Присцилле Уоткинс ходило столько, что хоть крупница истины в них была. Вряд ли какому мужчине понравилось, если б у его жены так знойно, бесстыдно блестели глаза, но от шлюхи как раз это и требуется.

Но не воспоминания, а в основном любопытство и фантазия разжигали желание. Мало кто мог похвастаться близостью с Присциллой, поведать о ней что-нибудь «из первых рук». И дело не только в бешеных деньгах, которые она запрашивала. Она была привередлива. Она и за деньги мало кого допускала во внутреннюю комнатку с вечно запертой дверью. Комнатку, таившую соблазнительные секреты. Все мужчины в баре завидовали сейчас Джейку Лэнгстону.

Но если мужчины смотрели на него ревниво, то женщины просто пожирали глазами. Проститутки, шатающиеся по залу, развлекая толпу ранних вечерних посетителей, были работающими женщинами. Они знали цену доллару. Им приходилось быть практичными. Время – деньги. И они предлагали свои прелести клиентам. Но любая из них променяла бы несколько долларов, что могла заработать, на часок наедине с ковбоем Джейком Лэнгстоном – узкобедрым, высоким, стройным, смуглым, двигавшимся с кошачьей грацией. Тесные джинсы облегали ягодицы и длинные ноги как вторая кожа. Свисавшая на бедро кобура револьвера подчеркивала мужественность. Мужчины его уважали – он так метко стрелял, что его нельзя было не уважать. А женщин его сомнительная репутация привлекала

еще больше. Она приносила в общение с ним элемент опасности, риска, и многие вполне уважаемые дамы соглашались, что это действует весьма возбуждающе.

Плечи и грудь у Джейка были широкими, но он вовсе не казался коренастым. А еще у него была изумительная походка. Он не ходил, а ступал. Девушки, которым посчастливилось принимать его у себя, божились, что неподражаемо, восхитительно дерзок он во всем, а не только с виду, и только при ходьбе очень недурно покачивает бедрами.

Присцилла извлекла ключ из кошелька с низким вырезом и отперла дверь в свои личные апартаменты. Войдя, сразу же бросила веер на хрупкий по-модному стульчик и направилась к маленькому столику налить Джейку выпить из тяжелого хрустального графина. Джейк захлопнул дверь, замок многозначительно щелкнул. Присцилла пыталась поймать взгляд Джейка. Она негодовала на себя – так сильно колотилось ее сердце.

Проведут ли они эту ночь вместе?

Гостиная Присциллы вполне могла бы принадлежать и порядочной женщине, в ней не было ничего вызывающего, кроме портрета обнаженной хозяйки – им один из гостей заплатил по счету. Он, конечно же, спал с Присциллой и изобразил ее в позе ленивого пресыщения. До невозможности декадентский портрет в позолоченной раме висел на стене над покрытой атласным покрывалом кушеткой, заваленной подушками с обшитыми шелковой каймой краями. Муаровые занавески на окнах были собраны в складки – точно как в лучших домах. На столах – салфеточки, тонкие, наподобие паутины. Казалось, можно предположить, что их вышивала пожилая леди – почтенная бабушка почтенной хозяйки. Керосиновые лампы украшали круглые цветастые абажуры с подвесками, мелодично звенящими от малейшего дуновения ветерка. В углу стояла высокая ваза с павлиньими перьями. Пастушка XVII века, гологрудая и веселая, кокетничала со своим неизменным поклонником – пастушком с удрученным фарфоровым личиком.

Джейк неторопливо оглядывал гостиную. Он бывал здесь много раз. Но комната не переставала поражать его, потому что ее хозяйкой была бунтарка – дочь властной матери и слабовольного отца. Джейк, а тогда все называли его Бубба, брал ее на распаханых полях и в руслах пересохших ручьев. Когда дело доходит до этого, место ведь не имеет значения. Шлюха есть шлюха, неважно, где она занимается своим ремеслом.

Присцилла, не догадываясь о нелестных мыслях Джейка, подошла, протянула стакан, вынула сигару у него изо рта, поднесла ее к губам, глубоко затянулась, а потом медленно выдохнула дым.

– Спасибо. Я не разрешаю девочкам курить и стараюсь не подавать дурного примера. Пошли в спальню. Нужно переодеться, вечером будет много гостей.

Они прошли в следующую комнату. Вся в кружевах, откровенно женская, она до странности не подходила хозяйке. Присцилла была слишком жесткой для этого мягкого, в оборочках гнездышка. Что ж, приходится принаравливать ко вкусам клиентов, предположил Джейк.

– Помоги мне, пожалуйста.

Присцилла подставила спину. Джейк сунул сигару в рот, зажал ее ровными белыми зубами, прищурился сквозь дым. Отставил стакан. Ловко расстегнул ряд застёжек на спине Присциллы. Она сверкнула на него глазами через голое плечо, сказала осипшим вдруг голосом: «Спасибо, дорогой» – и отошла.

Джейк усмехнулся, развалился в парчовом кресле-качалке, задрал ноги в заляпанных грязью сапогах со шпорами.

– Чем занимаешься теперь? – Присцилла выскользнула из низко вырезанного платья ловким – наверняка заученным, уж слишком оно было ловким, – движением.

Джейк выпустил идеально круглое колечко дыма и потянулся за виски.

– Работал в Западной Виргинии, тянул изгородь оттуда к черту на кулички.

Присцилла красноречиво приподняла бровь, небрежно сбросила пурпурные туфельки. Почему-то считалось, что в разбросанной как попало одежде есть нечто распутно-привлекательное. Мужчинам не нравится, когда шлюха, прежде чем лечь в постель, приберет сперва комнату. Небрежность придает оплаченному сексу видимость искренности и непосредственности.

– В «щипцы» нанялся? – В вопросе таилась легкая насмешка. Так называли ковбоев, которым после окончания большого выгона скота приходилось снова искать заработок. Они нанимались огораживать колючей проволокой открытые пастбища и сами себя оставляли без работы.

– Ну, жрать-то надо, – легко возразил Джейк.

Он внимательно следил за Присциллой, смаковал каждый ее соблазнительный жест.

Корсет ее был туго зашнурован. Сдавленные им груди колыхались, прозрачная сорочка едва прикрывала их. Природа щедро одарила Присциллу. Она отбросила в сторону нижнюю юбку, села на маленький круглый пуф у туалетного столика. Зеркала по бокам были подвешены на петлях. Присцилла могла поворачивать их и изучать себя со всех сторон. Пуховкой из ягнячьей шерсти она легко провела по шее, плечам и груди.

– Ты передохнуть приехал? Скоро назад?

Джейк рассмеялся коротким, низким смешком.

– Ну нет. Надоело: перекасти-поле, пыль – и ничего больше. Я бросил это место.

– И какие у тебя планы?

Какие у него планы? Шататься, пока не подвернется работа. То, что он делал всегда – с тех пор, как стал взрослым. Он мог заработать приличные деньги на родео, их хватало, чтоб кормиться самому и кормить коня, поигрывать в покер и развлекаться в заведениях вроде «Райских куш».

– В скольких перегонах ты участвовал, Джейк? Я сбилась со счета – столько раз ты возвращался в Форт-Уэрт с севера!

– Я и то сбился. Несколько раз ездил в Канзас-Сити. Добрался однажды до Колорадо. Мне там не понравилось. Вообще-то ничего, но чертовски холодно.

Он заложил руки за голову и с наслаждением наблюдал, как Присцилла подкрашивает соски. Она набирала краску пальцем из крошечной баночки на туалетном столике и неторопливо, любовно наносила на груди.

– А ты как? Долго копила на это заведение?

– Пять лет.

Спроси, чего оно стоило, хотелось ей сказать. Сколько часов я провалялась на спине. Сколько часов провела с жирными, потными фермерами, выслушивая их жалобы – жена, мол, не хочет больше детей и отказывает в супружеских правах, – сколько часов с грубыми, воняющими скотным двором ковбоями.

Сначала Присцилла работала в Джефферсоне, последней остановке на границе. Потом, когда построили железную дорогу, а Джефферсон остался в стороне и захирел, она перебралась в Форт-Уэрт – шумный городок, где сходились железнодорожные пути со всего штата, всегда полный ковбоев, которым не терпелось расстаться с заработанными на выгоне скота деньгами.

Здесь дела ее пошли в гору, Присцилла показала себя по-настоящему. В те дни клиенты получали сполна за свои деньги. Иногда и сверх того. Она стала известна. Она копила деньги. Когда их набралось достаточно, она пошла к одному из своих верных клиентов, банкиру, и заключила с ним тайную сделку. Они выкупили бордель у прежней мадам и превратили его во дворец удовольствий высшего класса. «Райские куш» не гнушались посещать не только буяны-ковбои, но и скотоводы, их работодатели. Затраты оправдали себя. Бордель оказался выгодным капиталовложением. За два года она расплатилась с банкиром. Заведение Прис-

циллы, расположенное в районе города, который назывался «Квартал красных фонарей», оскорбляло приличное общество, но зато обеспечивало хозяйку.

– Здесь всегда найдется работа. Будешь сдавать карты, или найму тебя вышибалой.

Джейк рассмеялся, поставил пустой стакан на стол около качалки.

– Нет, спасибо. Я ковбой и не люблю, когда вокруг стены. К тому же тебя послушать, если я буду торчать тут постоянно, девочки твои передерутся вконец. Не стоит волновать их, – насмешливо ответил он.

Присцилла нахмурилась. Теперь на ней было черное атласное платье. В волосах вместо пурпурного блестело черное перо, закрепленное застежкой с фальшивым бриллиантом. Джейк Лэнгстон всегда чересчур много о себе воображает. Она подавила улыбку, поправила: Джейк Лэнгстон всегда был высокого мнения о себе. Что ж, в мужских достоинствах ему не откажешь.

Присцилла натягивала длинные кружевные черные перчатки, эффектно оттенявшие ее руки и плечи, и украдкой разглядывала Джейка. Он возмужал и стал даже слишком привлекателен, дьявольски привлекателен. Ничего удивительного, что он так самонадеян. Раньше волосы у него были совсем светлые, теперь они потемнели, но не сильно. Женщин притягивают эти белесые пряди, как мошек свет фонаря. Кожа Джейка загорела, огрубела на солнце, окрасилась в цвет меди, отчего синие глаза казались еще ярче. Глаза и рот окружала сеть морщинок. Но эти следы прожитых лет не портили его, наоборот, он стал куда красивее, чем в юности. Он суров и жесток. Опасен. И за его ленивой усмешкой как будто кроется какая-то тайна. Усмешка намекает, что тайна эта весьма игривого свойства, порочная тайна, и он не прочь ею поделиться. Его мужественность столь вызывающа, что ни одна женщина не смогла бы противиться ему.

Присцилла помнила его мальчиком. Это она посвятила его в тайны секса. Тогда они встречались часто, встречи их были страстными, горячими, неистовыми. Так ли было бы сейчас? Много лет она томилась желанием узнать это.

– Ты надолго в Форт-Уэрт?

– Проездом. Вечером с последним еду в Восточный Техас. Помнишь Коулмэнов? Их дочь завтра выходит замуж.

– Коулмэн? Из обоза переселенцев? Росс, так ведь?

Присцилла прекрасно знала, о ком идет речь, но поддразнивала Джейка так же, как он всегда поддразнивал ее. Это была их игра, они играли в нее при каждом свидании.

– А как зовут женщину, ту, на которой он так великодушно женился?

– Лидия, – бесстрастно ответил Джейк.

– Ах да, Лидия. Лидия – и все, у нее ведь не было фамилии? Мне всегда любопытно было, скрывается она от кого, что ли.

Присцилла вынула пробку из хрустального флакончика с духами и слегка подушилась – за ушами, шею, запястья, грудь.

– Я слышала, они разводят лошадей на ранчо и все у них хорошо.

– Да, хорошо. Моя мать живет на их земле. И мой братишка, и Мика.

– Тот ползунок?

– Он уже большой. Стал отличным лошадиником. Я мало таких встречал.

– А что случилось с ребенком мистера Коулмэна? Ну, Лидия еще кормила его до их свадьбы.

Джейк помолчал, со сдержанным гневом взглянул на Присциллу.

– Ли, – ответил он наконец. – Они с Микой – два сапога пара. От них всегда много шуму.

Присцилла оглядывала себя в зеркале, приглаживая волосы.

– Стало быть, дочь Коулмэнов взрослая, выходит замуж?

– Не больно она взрослая. – Джейк нежно улыбнулся. – Последний раз, когда я видел ее, у нее еще были косички и она донимала Ли и Мику, упрашивала взять ее укрощать строптивого жеребца.

– Сорванец?

Присцилла была довольна. Она помнила, какими телячьими глазами смотрел Джейк на Лидию Коулмэн. Все мужчины в поселке обожали Лидию, хотя их жены встретили ее с неприязнью. Не будь Лидия замужем за Россом Коулмэном, Присцилла безумно завидовала бы ей. Приятно думать, что дочь Лидии – долговязая девчонка, нескладный подросток, сорванец.

– Но, видно, она изменилась, раз выходит замуж, – продолжал Джейк.

Присцилла подняла веер и повернулась перед зеркалом, прихорашиваясь.

– Ну как?

Платье с большим декольте, отделанное такими же кружевами, что и перчатки, едва прикрывало грудь. Просвечивали подкрашенные соски. Спереди юбка доходила до носков черных атласных туфелек и ниспадала коротким хвостом сзади. Турнюр подчеркивал осиную, по моде, талию.

Циничные синие глаза дерзко ощупывали Присциллу.

– Роскошно. Я всегда говорил – очаровательней шлюхи не сыскать.

Джейк заметил, как гневно вспыхнули серые глаза. Он негромко рассмеялся, поймал Присциллу за руку, усадил рядом с собой на качалку. Веер выскользнул из ее рук, мягко опустился на пол. Перо сбилось набок. Но она не сопротивлялась. Джейк лег на нее.

– Ты предлагаешь мне весь вечер, так, Прис? Пора дать тебе, чего просишь.

Он прижался к ней. Губы Присциллы жадно раскрылись. Ее девочки не преувеличивали. Он знал свое дело. Каждая клеточка ее тела откликнулась на этот поцелуй. Она изогнулась, прильнула к Джейку, крепкому, мускулистому, ее пальцы перебирали густые белокурые волосы. Опытная, уверенная рука проникла ей под платье, гладила бедра, кожу над кружевными подвязками и теплую, трепещущую плоть. Колени ее раздвинулись, она прошептала: «О Джейк, Джейк, да, да, да...» Он всунул свободную руку между их телами, Присцилла подумала, что он хочет расстегнуть брюки. Джейк покачал у нее перед носом карманными часами, проверил время. Она как дура уставилась на него.

– Извини, Прис. – Он притворно поцокал языком. – Боюсь, не успею на поезд.

Разъяренная, она сбросила его с себя.

– Ублюдок!

Посмеиваясь, Джейк поднялся с качалки.

– Ну разве можно так со старым-то другом...

Выдержка изменила Присцилле. А с ней это случалось нечасто.

– Ты просто куча навоза! Тупая деревенщина! Ты что, в самом деле вообразил, что я хочу переспать с тобой?!

– Ну да, в самом деле. – Он подмигнул ей и направился в гостиную. – Жаль разочаровывать тебя.

– Я теперь недостаточно хороша для вас, мистер Лэнгстон?

Он обернулся.

– Ты достаточно хороша. Слишком хороша. Ты лучшая. Поэтому я не хочу тебя. Потому что ты лучшая шлюха в штате.

– Но ты только со шлюхами и спишь.

– Да, но если я незнаком с ними, я могу обманывать себя. Могу притворяться, что только я бываю в этой спальне. А ты всегда была шлюхой, сколько я тебя знаю. Дюжины мужчин перебивали в твоей постели. Неромантично как-то получается.

Присцилла позеленела от злости. Джейк увидел, какой страшной она может быть.

– Из-за брата, да? Ты ни разу не был со мной со дня его смерти. Ты не смеешь!
– Заткнись.

Голос его был таким безжизненным, что она испугалась и отступила, хотя не смягчилась до конца.

– Ты все тот же деревенский дурачок из Теннесси. О да, говорить ты стал получше. Нрав у тебя бешеный, мужчины уважают тебя. И баб ты научился ублажать. Но в душе ты все тот же Бубба Лэнгстон, глупый деревенский парнишка.

Джейк остановился на пороге. Его глаза больше не светились лукавством. Они были холодны и суровы, кожа на скулах натянулась, морщины по бокам рта залегли глубже.

– Нет, милочка. Он давным-давно пропал, стигнул.

Гнев Присциллы прошел, она прищурилась.

– Я докажу, что ты все еще хочешь меня. Обещаю. Однажды ты позволишь себе вспомнить, что было между нами. Мы были детьми тогда. Горячими, необузданными, жадными. Это могло бы повториться. – Она откинула голову, положила руку ему на грудь. – Я возьму тебя снова, Джейк.

Джейк помнил, слишком хорошо помнил первый раз, когда они были вместе. Тот день неизгладимо отпечатался в памяти. Он оттолкнул ее руку.

– Не рассчитывай.

Он закрыл за собой дверь, постоял с минуту, задумавшись. Вечер был в полном разгаре, работа кипела вовсю. Едва одетые девицы сновали по гостиным и игорным залам, приставая, соблазняя, выставляя свой товар напоказ. Некоторые глазели на Джейка выжидающе, затаив дыхание.

Он улыбнулся, но поощрять их не стал. Не то чтоб не хотелось. У него несколько недель не было женщины. К Присцилле он не прикоснется, но не деревянный же он. Ее нагота, запах возбудили его.

Еще стакан виски? Партию в покер? Часок в одной из постелей наверху? Забыться ненадолго?

– Привет, Джейк.

Одна из шлюх бочком подобралась к нему.

– Привет, Пастилка.

Фамилия ее была Долтон, она работала на Присциллу еще в те времена, когда Джейк был здесь завсегдаем.

– Как дела?

– Не жалуюсь. – Женщина слабо улыбнулась своей лжи.

Морщины, заметные и сквозь толстый слой краски, сказали Джейку, как плохи ее дела, как ненавидит она эту жизнь. Но Пастилка трогательно отказывалась признать свое поражение, страстно желала быть приятной. Джейк всегда жалел ее.

– Тебе будет хорошо со мной, – с надеждой сказала Пастилка.

Он был почти готов внять ее мольбе, подняться с ней наверх, но все-таки покачал головой.

– Сходи лучше принеси мне шляпу и сумку, вот номерок. – Он выудил из кармана багажную квитанцию.

Пастилка бросилась выполнять поручение. Когда она вернулась, Джейк дал ей на чай пятьдесят центов. Пустячное поручение, конечно, не стоило этого, он мог ведь сходить сам.

– Спасибо.

– Всегда жду, Джейк.

Пастилка пристально, с откровенным призывом смотрела на него.

Осчастливить ее? Быть добрым к ней, к ее изголодавшемуся телу? Нет. Не давая себе передумать, он стал пробираться через толпу к выходу. Он должен успеть на сегодняшний поезд. Завтра утром его ждут в Ларсене.

Бэннер Коулмэн выходит замуж.

1

И вот настал день свадьбы. Бэннер Коулмэн чувствовала себя невестой, невестой с головы до пят. Она стояла в задней части церкви за украшенной цветами ширмой, укрытая от всех взглядов, и рассматривала людей, которые собрались здесь в свой выходной день, чтобы присутствовать на ее бракосочетании с Грейди Шелдоном.

Приглашен был почти весь Ларсен. Скамьи быстро заполнялись разодетыми по-праздничному гостями. Бэннер казалось, что явились все, кто получил приглашение.

Она переступила ножками, наслаждаясь шуршанием шелковой узкой юбки в складку и удобными туфельками. Сзади материя была собрана в турнюр и спадала коротким каскадом. Кружевная, усыпанная крошечными жемчужинами лента, завязанная под подбородком и похожая на цветок лилии, доходила до нежной впадинки между грудями, где у выреза был подложен кусочек шелка. Это было и соблазнительно, и в то же время очаровательно девственно. Кружевная вуаль, как требовала мода, закрывала темные волосы и лицо. Лучшая портниха Ларсена выписала ее из Нью-Йорка.

Обычно Бэннер носила яркие, сочные цвета, но светлое, желтоватое, как слоновая кость, свадебное платье эффектно сочеталось с ее черными как смоль волосами. Щечки у Бэннер были как спелые абрикосы. Она не гналась за модой и не старалась оставаться белой, как простокваша, – смело, не в пример другим женщинам, подставляла лицо солнцу. А еще она никогда не пряталась под зонтиком, и на переносице у нее выступали веснушки. Их она унаследовала от матери. Дамы Ларсена, собираясь вечерами за шитьем, сокрушались: «Такая хорошенькая девчушка, если б только она была поосторожней с солнцем». Но Бэннер давно примирилась со своей внешностью. Лицо у нее не было классически правильным, но ей даже нравилась его необычность. И стоит ли волноваться из-за нескольких пятнышек, это же пустяк. У мамы тоже веснушки. А мама – настоящая красавица.

Цвет глаз Бэннер унаследовала от обоих родителей сразу. У папы – зеленые, у мамы – золотистые, как виски. У нее же – нечто среднее, зеленовато-карие. «Кошачьи глаза», – говорили некоторые. Не совсем верно. В глазах Бэннер не было сумрачности, только топазово-золотистые искорки в яркой зелени.

Толпа росла. Церковь гудела от полных нетерпения голосов. Заиграл орган. Счастье переполняло Бэннер, заливая щеки персиковым румянцем. Она знала, что выглядит чудесно. Знала, что любима. Словом, чувствовала себя на седьмом небе.

Все скамьи в церкви уже были заняты. Шафер, стоя в центральном проходе, вежливо призывал гостей сдвинуться теснее, чтобы разместить вновь прибывших. Слава богу, распорядились открыть окна – по шесть с каждой стороны церкви, величественные, высокие, – и теплый весенний ветерок освежал разгоряченные лица в тугих воротничках. Дамы обмахивались кружевными веерами и изящными носовыми платочками. Их кисейные шарфики развевались на ветру.

В воздухе стояло благоухание свежих, только этим утром срезанных роз разнообразнейших оттенков – от рубиново-красных до снежно-белых. На несколько шагов впереди Бэннер стояли три подружки невесты, одетые в платья пастельных тонов с широкими поясами, своей хрупкостью они напоминали цветы, украшавшие церковь.

Более совершенной, безупречной свадьбы она и представить себе не могла.

– Ты готова, принцесса?

Бэннер повернула голову и посмотрела через вуаль на отца. Она не слышала, как он подошел к ней и занял свое место рядом с ней.

– Папа, ты сегодня такой представительный!

Росс Коулмэн ответил дочери улыбкой, которая до сих пор покоряла женщин. На его висках и в пышных усах сверкали серебряные нити, но с возрастом он стал еще обаятельней. В пятьдесят два года Росс оставался таким же крепким и широкоплечим, как прежде. Благодаря физической работе он сохранил худобу и подтянутость. В темном костюме и белой рубашке с высоким воротничком Росс действительно выглядел очень представительно. Любая невеста могла только мечтать о таком отце.

– Спасибо, – отозвался он, слегка наклоняя голову.

– Ничего удивительного, что мама вышла за тебя. В день своей свадьбы ты был так же красив?

На мгновение Росс отвел глаза.

– Нет, насколько помню.

В тот день шел дождь. Росс вспомнил кучку промокших переселенцев, собравшихся у его повозки, перепуганную Лидию, готовую, казалось, пуститься наутек, и себя самого, возмуженного и сердитого. Его заставили жениться на ней, и он был взбешен. Ему и в голову не приходило, что он совершает лучший поступок в своей жизни. Мнение его о Лидии начало меняться, когда священник сказал: «Теперь вы можете поцеловать невесту», и он впервые поцеловал ее.

– Вы поженились в обозе?

– Да.

– Пари держу, мама не возражала, даже если ты не был изысканно одет.

– Думаю, нет, – мягко и лаконично ответил Росс, не желая продолжать этот разговор.

Он искал кого-то в толпе гостей, и вот глаза его просветлели. Росс увидел женщину, которую шафер несколькими минутами раньше провел в первый ряд.

– Сегодня она выглядит прекрасно, – заметила Бэннер, проследив за его пристальным взглядом.

Лидия была в усыпанном бисером платье из шелка медового цвета. Косые лучи солнца бросали красноватые отблески на ее волосы.

– Да, прекрасно.

Бэннер, поддразнивая, толкнула отца.

– Для тебя она всегда прекрасна.

Росс снова посмотрел на дочь.

– Ты тоже.

Он окинул Бэннер заботливым взглядом, особенно платье и вуаль, которые делали ее какой-то недоступной. Скоро она будет принадлежать другому. Он не будет больше самым главным мужчиной в ее жизни. Боль сдавила горло: Росс осознал, что их отношения с сегодняшнего дня навсегда изменятся. А ему так хотелось, чтоб Бэннер оставалась его маленькой девочкой, его принцессой.

– Ты прекрасная невеста, Бэннер. Твоя мать и я – мы любим тебя. Нам нелегко отдавать тебя, даже Грейди, превосходному молодому человеку.

– Знаю, папа.

Слезы затуманили глаза девушки. Приподнявшись на носки, она откинула вуаль и поцеловала твердую щеку отца.

– Я тоже люблю тебя. Понимаешь, как сильно должна я любить Грейди, чтобы оставить тебя и маму и выйти за него?

Глаза Бэннер зашарили по церкви, и в тот же момент входная дверь на хорах открылась, священник и Грейди с тремя шаферами вошли торжественной процессией и заняли свои места под аркой из цветочных гирлянд.

Слезы Бэннер мгновенно высохли, губы растянулись в радостной улыбке. Грейди очень идет темный костюм, и его каштановые волосы причесаны так тщательно, волосок

к волоску. Вот он стоит, прямой и крепкий, может, немного мрачноватый, почти как в тот день, когда Бэннер увидела его впервые, – на похоронах отца. Она не знала Шелдонов. Мать Грейди умерла до того, как их семья переехала в Ларсен и занялась заготовкой леса. Смерть мистера Шелдона была для Бэннер просто мелкой неприятностью: родители сказали, что ей придется ехать с ними на похороны. А это значило на целый день расстаться с брюками, которые она носила на ранчо, натянуть на себя платье и тащиться в церковь. А ей хотелось посмотреть, как ковбои объезжают резвую кобылу. Бэннер было четырнадцать лет. Она ясно помнила, как поразил ее Грейди, тогда двадцатилетний, поразило, как стойко он держится у могилы отца. А ведь он остался один на свете. Для Бэннер, окруженной любящими людьми, это было невыносимо. Худшее, что могло случиться с человеком, – остаться одному, без любви. Оглядываясь назад, она думала, что полюбила Грейди именно за его отвагу.

При каждом удобном случае она увязывалась за Россом на лесопилку. Но прошло не меньше года, прежде чем Грейди заметил ее. Впервые он посмотрел на нее внимательней на дровяном складе. Бэннер пришла туда с Ли и Микой. Сперва он принял ее за мальчика – ведь одета она была по-мальчишески – и удивленно разинул рот, когда Бэннер сняла шляпу и копна черных волос рассыпалась по плечам и упала на грудь, явно обозначившуюся под бесформенной мужской рубахой.

Вскоре Грейди стал катать ее по воскресеньям в своей коляске, приглашать танцевать на вечеринках и садиться рядом на церковных собраниях. Он присоединился к ее многочисленной свите, но самой Бэннер было до ужаса ясно: нужен ей Грейди, остальные могли быть только поклонниками.

В день, когда Грейди попросил у Росса ее руки, Бэннер кинулась за ним и гнала Ласточку так, как бедной кобыле ни разу в жизни мчаться не приходилось. Грейди остановил коляску, Бэннер спрыгнула с седла и, позабыв о девичьей застенчивости и тому подобных вещах, с криком бросилась к нему в объятия. Глаза ее сияли, щеки покраснелись.

– Что он сказал?

– Он сказал – да!

– О Грейди, Грейди... – Она прижалась к нему, потом, вспомнив, что такое поведение не пристало скромной леди, отпрянула и взглянула на суженого сквозь густые, черные как сажа ресницы.

– Теперь мы по-настоящему помолвлены и ты, наверное, можешь поцеловать меня, если хочешь.

– Я... правда? Ты уверена?

Бэннер энергично тряхнула черными кудрями. На самом деле она думала, что умрет, если Грейди не поцелует ее. Она вся тянулась к нему, жаждала почувствовать его губы на своих губах. Он нагнулся и чинно поцеловал ее в щеку.

– И это все?

Грейди отклонился и прочел удивленное разочарование на лице девушки. Она не сделала ни одного притворно-застенчивого, отстраняющего движения, которого он ожидал, и он прижался губами к ее рту.

Это было прекрасно, но все-таки чего-то не хватало. Не о таких поцелуях возбужденно шептались Ли и Мика, когда не подозревали, что она слышит их. Поцелуи, которые они так подробно описывали в те мечтательные минуты, были куда более интимными, языком. Мама и папа тоже целовались не так, не сжатыми губами, а они с Грейди даже не касались друг друга. И тогда с внезапным порывом, но и с долей любопытства Бэннер обвила руками шею парня и, изогнувшись, прильнула к нему. У него вырвался возглас изумления, на несколько секунд он потерял голову, властно привлек девушку к себе. Но губ так и не разжал. Дыхание у него перехватило, он оттолкнул Бэннер.

– Бога ради, что ты делаешь со мной?!

Бэннер вспыхнула от стыда. Она ощутила вдруг, что части ее тела, которых она прежде не замечала, стали горячими и влажными. Ей мучительно захотелось, чтобы они с Грейди поженились прямо сегодня, сейчас, чтоб огонь, тлевший внутри ее, вспыхнул ярким пламенем, чтоб у них дошло... ну, до этого.

– Извини, Грейди. Я знаю, что леди так себя не ведут. Это просто потому, что я слишком люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю. – Он еще раз целомудренно поцеловал ее, попрощался и сел в коляску.

С тех пор, хотя Ли и Мика беспощадно дразнили ее, Бэннер меньше времени стала проводить в загонах с работниками и больше дома, с Лидией.

Ма Лэнгстон учила ее вышивать. Бэннер трудилась над наволочками и посудными полотенцами, старательно гладила их, складывала и убирала в сундук с приданым.

Бэннер терпеть не могла хозяйничать и всегда увиливала от работы по дому. Теперь она стала помогать Лидии и даже сама предлагала то переставить мебель, то переменить занавески в гостиной.

Она проводила с Грейди упоительно-романтические часы. Словом, Бэннер была влюблена и счастлива. Со времени помолвки она будто попала в водоворот счастья, он закружил ее, не отпуская и поныне.

Она с обожанием смотрела на своего жениха, с радостью готовилась идти с ним к алтарю. Сердце Бэннер трепетало при мысли о предстоящей брачной ночи. С каждым днем их поцелуи становились все жарче и все труднее было держать себя в руках. Совсем недавно, вечером, Бэннер пошла проводить Грейди до коляски, которую тот оставил под орешником-пеканом на дворе. И тут выдержка изменила Грейди. Они стояли крепко обнявшись, чуть покачиваясь, Бэннер прижалась щекой к груди Грейди и слушала, как колотится его сердце – быстро, гулко, как у нее.

– Пять ночей, только пять ночей, и нам не придется желать друг другу спокойной ночи и расходиться. Мы сможем желать друг другу спокойной ночи в нашей собственной постели.

Он застонал.

– Бэннер, милая, не говори так.

– Почему? – Она подняла голову, взглянула ему в глаза.

Грейди откинул выбившуюся прядь с ее щеки.

– Когда ты так говоришь, я хочу тебя еще сильнее.

– Правда?

Не стоило притворяться, что она не понимает, чего он хочет. Она выросла на лошадином ранчо и не могла не знать, как размножаются животные. К тому же притворство было отнюдь не в характере Бэннер. Ей и в голову не приходило разыгрывать невинность.

– Да, – выдохнул Грейди, – я хочу тебя.

Его губы прижались к губам Бэннер. Грейди секунду помедлил, а потом тронул их языком.

– О Грейди...

– Прости, я...

– Нет. Не останавливайся. Целуй меня так. Еще...

И Грейди поцеловал Бэннер совсем по-новому, так, что ее бросило в жар, перехватило дыхание и закружилась голова. Но это только усилило желание. Она прижалась к нему.

– Бэннер... – стонал Грейди.

Его рука скользнула вниз, остановилась у груди Бэннер, ласково погладила ее, сжала.

Ощущение было даже острее, чем ожидала Бэннер, – таким обжигающе сильным, что она испугалась, отшатнулась.

На какую-то долю секунды ей показалось, что Грейди нахмурился, но потом голова его поникла, и он, жалкий, пристыженный, уставился на свои ботинки.

– Бэннер, – начал он.

– Пожалуйста, не извиняйся. – Ободренный ее мягкостью, Грейди осмелился поднять глаза. – Я хотела, чтобы ты меня ласкал. И сейчас хочу. Но я знаю, девушке не полагается вести себя, будто ей нравится... ну, нравится самая низменная сторона супружеской жизни. Я не хочу, чтобы ты плохо думал обо мне. Поэтому я остановила тебя.

Грейди сжал ее руки, поднес к губам и пылко поцеловал.

– Я не думаю о тебе плохо. Я люблю тебя.

Она засмеялась низким, гортанным смехом. Многим ковбоям на ранчо Росса ее смех не давал спать спокойно, многие мечтали провести ночь с Бэннер Коулмэн, пытались представить, как это было бы с ней.

– У тебя не робкая невеста, Грейди, – объявила Бэннер. – Меня не придется уговаривать лечь с тобой в постель.

Возвращаясь поздно вечером домой, Бэннер случайно подслушала разговор родителей в гостиной.

– Ты думаешь, она готова к замужеству? Ей только-только исполнилось восемнадцать, – говорил Росс.

Лидия мягко рассмеялась.

– Бэннер наша дочь. Всю жизнь она видела, как мы любим друг друга. Не думаю, что любовь и брак – загадка для нее. Да, она готова. Что до возраста, то большинство ее подруг замужем. У некоторых уже дети.

– Но они не мои дочери, – проворчал Росс.

– Иди сюда, сядь. А то только ковер портишь.

Бэннер слышала, как отец устраивается рядом с матерью на кушетке. Она словно видела их перед собой – Росс положил руку на плечо Лидии, она любовно прижалась к мужу.

– Ты волнуешься из-за Грейди?

– Нет, – нехотя признал Росс. – Он, кажется, надежный парень. Не размазня. И Бэннер, похоже, любит. Бог мой, пусть обращается с ней хорошо, а то придется ему иметь дело со мной.

Бэннер опять словно увидела, как пальцы матери успокаивающе ерошат волосы отца.

– Если что, Бэннер ему задаст. Она своевольная молодая особа. Ты что, не замечал?

– Интересно, в кого бы это? – нежно спросил Росс.

Тишина. Бэннер знала, они обнимаются. Многие ее подруги были бы поражены: ведь они никогда не видели, чтобы родители даже прикасались друг к другу.

Бэннер услышала шорох в гостиной. Значит, кончили целоваться и усаживаются поудобнее.

Первым заговорил Росс:

– Я хотел, чтобы дети наши имели больше, гораздо больше, чем мы, когда были ребятами.

– Я ничего не помню, только день, когда встретила тебя.

– Помнишь, – мягко возразил Росс. – И я тоже. Я не особо беспокоюсь о Ли. Ли может сам о себе позаботиться. Но Бэннер... – Он вздохнул. – Я убью любого, кто посмеет обидеть ее. Хорошо еще, что опасения мои не оправдались.

– Какие опасения?

– Я боялся, что в один прекрасный день на ранчо прискачет какой-нибудь оболтус-ковбой и похитит ее.

– Ковбой ее не интересуют. Она ведь выросла с ними.

– Да, но ей исполнилось восемнадцать лет. А началось это с шестнадцати. У нее появился такой взгляд...

– Какой?

– Как у тебя, когда я расстегиваю рубашку.

– Росс Коулмэн, ты самонадеян...

Лидия вдруг замолчала, и Бэннер не сомневалась – виной тому губы ее отца.

– Нет у меня никакого такого взгляда, – слабо запротестовала Лидия.

– Есть, есть. – Росс понизил голос. – Как раз сейчас ты так смотришь. Иди сюда, женщина, – прошептал он.

И вновь тишина.

Улыбаясь, Бэннер потушила свет в холле и пошла наверх. У себя в комнате она подошла к зеркалу, прижалась носом к стеклу.

«Такой взгляд?» Вот почему Грейди осмелился тронуть ее, совершить запретное, о чем она, бывало, шепталась с подружками. Она плохая, потому что ей хотелось, чтобы ее трогали? Грейди плохой, потому что хотел трогать ее?

Ей было нелегко оттолкнуть его. Каково же бедняжке Грейди – ведь он мужчина, ему труднее совладать с собой.

Бэннер легла и постаралась уснуть, но она была слишком возбуждена, тело ее томилось желанием изведать неведомое.

Но теперь ждать осталось недолго, думала Бэннер. Подружки невесты собирались в центральном проходе. Все было отрететировано накануне.

– Следующая наша очередь, принцесса, – сказал Росс. – Готова?

– Да, папа.

Она готова. Готова быть любимой. Готова утолить наконец свою жажду. Готова принадлежать мужчине, принимать его в себя по ночам. Она устала чувствовать себя виноватой за украденные поцелуи, устала сдерживать свою страсть, не давать ей перейти границы благопристойности. Тлевший в ее теле огонь готов вспыхнуть ярким пламенем.

Росс вывел дочь из-за ширмы. Музыка на минуту смолкла, потом грянула с новой силой. Они медленно шли по проходу. Все встали, повернулись к Бэннер. Море знакомых с детства, дружелюбных лиц. Банкиры, купцы, лавочники, юристы, соседи-скотоводы, фермеры, их семьи, принаряженные в честь ее свадьбы. С необычной для невесты смелостью Бэннер улыбалась им в ответ.

Лэнгстоны сидели вместе, во втором ряду, позади Лидии. Ма, удерживавшая слезы, затем Анабет, ее муж Гектор Драммонд и их дети, за ними Мэринелл. Мика стоял между Мэринелл и сводным братом Бэннер – Ли. Ее мучители. Бэннер мельком взглянула на мальчишек. Она спорить готова – даже сейчас они еле удерживаются от взрыва неподобающего хохота. Только уничтожающие взгляды Ма и Росса мешали их веселью.

Когда Мика с матерью переехали в Излучину, ребята быстро подружились, стали неразлейвода. Сперва Бэннер ужасно ревновала: Мика ограбил ее, лишил товарища, принадлежавшего раньше только ей. Он до сих пор вспоминал, как она подложила колючку под его седло. Лошадь понесла и сбросила Мику. Обошлось, слава богу, без серьезных увечий, хотя эгоистичная шестилетняя Бэннер искренне молилась о его смерти.

Она вечно бегала за мальчишками и кланчила позволения участвовать во всех затеваемых ими проказах. Часто они соглашались: а вдруг поймают, тогда пригодится козел отпущения.

Несмотря на ссоры, Бэннер пылко любила обоих сорванцов. Сегодня, стоя рядышком, они смотрятся чудесно. Ли, с его темными волосами и сверкающими карими глазами, унаследованными от матери, Виктории Джентри Коулмэн. И Мика, белокурый, как все Лэнгстоны.

Бэннер перевела глаза на человека, сидевшего в конце скамьи, и послала ему самую чарующую из своих улыбок.

Джейк.

Джейк. Она всегда обожала его, сколько себя помнила. Она могла живо восстановить в памяти любой из его редких приездов. Подняв ее высоко над головой, он смотрел на нее и улыбался, а она брыкалась, молила о пощаде и надеялась, что он никогда не отпустит ее.

Джейк был самым высоким, самым сильным, самым веселым и бесшабашным. Ни у кого не было таких красивых светлых волос. Никто не мог так высоко раскачивать качели. Никто лучше не рассказывал истории о привидениях.

Он был ее героем, ее рыцарем в сверкающих доспехах. И дни, когда он появлялся в Излучине, были счастливейшими днями в жизни Бэннер. Да и все обитатели ранчо бывали счастливы в те дни: Ма, Лидия, Росс, Ли и Мика, а раньше, до его смерти, и старый Мозес, все с нетерпением ожидали редких наездов Джейка. Слишком редких, увы, и всегда недолгих.

Когда Бэннер подросла и поняла, как редко Джейк навещает их, мысль о его скором отъезде стала омрачать радость свиданий с ним. Она не могла отдаваться счастьем, потому что сознавала – он вот-вот ускачет и целая вечность пройдет, прежде чем она снова увидит его.

Поэтому такая суматоха поднялась сегодня утром. Ли и Мика явились домой завтракать, и Ли возвестил:

– Посмотрите-ка, кого мы нашли! Спал в конюшне.

Он втокнул Джейка в комнату. Гости немедленно окружили, поднялся смех, гомон, все разом зашебетали.

– Джейк!

– Сынок!

– Ну, будь я проклят!

– Росс, не распускай язык – дети.

– На кой тебе понадобилось ночевать на конюшне?

– Моя лошадь вчера споткнулась о камень, вечером, когда мы ехали со станции.

– Мы тоже приехали на поезде, дядя Джейк.

– Ну, она повредила копыто, но со мной все в порядке. Ей-богу, в порядке.

– Когда ты приехал?

– Откуда?

– Из Форт-Уэрта?

– Да, из Форт-Уэрта. Я поздно приехал, не хотелось никого беспокоить.

– Разве это беспокойство?!

Ма крепко обняла сына, зажмурилась. Глаза ее увлажнились. Она была весьма полной, и рядом с ней худоба Джейка особенно бросалась в глаза. Ма тут же разразилась целой речью по этому поводу.

– Сядь. Я подам тебе лепешки и подливку. Этот скотовод в Виргинии не кормит своих работников как следует. Женская подвязка и то толще. Ты вымыл руки? Мэринелл, оторвись от книги, налей старшему брату кофе. Анабет, успокой малышня, от них шума что от камней в пустом ведре.

Юные Драммонды тянули Джейка за ноги – кто сильнее дернет, как будто он был магической куриной косточкой и победивший мог загадать желание. Кто-то завладел его шляпой и пытался примерить ее. Самый маленький, еще не умевший ходить, ползал между ног Джейка и колотил ложкой по носку его ботинка. Анабет обошла детей, поцеловала брата в щеку и шепнула: «Ма ужасно беспокоилась о тебе». Выполнив таким образом свой сестринский долг, она оттащила детей от Джейка, велела старшим следить за малышом и прогнала их на улицу.

Джейк раскрыл объятия Лидии.

– Я так рада, что ты приехал. Мы боялись, ты не сможешь.

– Я не смог бы пропустить такое событие, – ответил Джейк. Глаза его перебежали с одного любимого лица на другое. – Привет, Росс. – Не отпуская Лидию, он потряс руку друга. – Как дела?

– Прекрасно. А твои, Бубба?

Время от времени еще всплывало это старое прозвище.

– Так себе.

– Как работа?

– Бросил.

– Бросил? – Ма с тарелкой горячих лепешек повернулась от плиты к сыну.

Джейк пожал плечами. Ему явно не хотелось портить праздничное настроение разговорами о своей неустроенности.

– Я приехал на свадьбу. Где же, в конце концов, невеста?

Специально не глядя на Бэннер, он осмотрел всех собравшихся. До сих пор Бэннер держалась в тени. Она хотела, чтоб никто не мешал им.

– Джейк Лэнгстон, я невеста.

Она кинулась в его объятия. Джейк приподнял ее за талию, закружил. Они описали полных два круга, и только тогда он отпустил ее, оттолкнул и сказал:

– Ну уж нет, ты не невеста. У Бэннер Коулмэн косички, ободранные коленки и дырявые панталончики. Дай-ка мне посмотреть на твои коленки, может, я и поверю тебе.

Джейк наклонился, попытался приподнять Бэннер юбку. Она завизжала и схватила его за руку.

– Не видать тебе больше ни панталон моих, ни коленок, неважно, ободранные они или нет. Я уже взрослая, ты что, ослеп?

Она приняла самую что ни на есть надменную позу, чтобы всем стало ясно, какая она взрослая: уперлась одной рукой в бок, а другую заложила за голову и выпрямилась.

Ли захохотал. Мика глумливо присвистнул и захлопал в ладоши. Джейк окинул дочь Коулмэна, которую знал с колыбели, оценивающим взглядом.

– В самом деле, – серьезно заметил он, – совсем большая. – Затем положил руки ей на плечи, наклонился и уважительно поцеловал в щеку. А потом, к ужасу Бэннер, звучно хлопнул ладонью по заду. – Но соплива еще шутки со мной шутить. Принеси-ка стул. Я поем, пока лепешки не остыли.

Все расхохотались, а Бэннер была так рада Джейку, что даже не обиделась. Теперь ее сердце забило сильнее – она почувствовала на себе его взгляд. Она так гордилась им, гордилась, что этот высокий светловолосый человек с яркими синими глазами принадлежит к ее семье. Да, можно сказать, что принадлежит.

Джейк переоделся, на нем была белая рубашка, черный кожаный жилет и узкий черный галстук вместо обычного пестрого шейного платка. Но на поясе по-прежнему висела кобура. С некоторыми привычками трудно расставаться, подумала Бэннер. Поведение ее любимца, должно быть, отнюдь не безупречно. Наверняка за ним водится кое-что, о чем представителям закона лучше не ведать. Она была уверена, что он пьет, играет в азартные игры и якшается с такими женщинами, о существовании которых ей знать не полагается. Но это не могло помешать Бэннер любить его. Атмосфера опасности, риска, бесшабашности, окружавшая Джейка, делала его только более привлекательным. Вряд ли кто из присутствовавших на свадебном приеме девушек потребовал бы у него официальных рекомендаций.

Джейк прищурился и заговорщицки подмигнул Бэннер. Какие у него прозрачно-синие глаза, а ресницы золотистые, солнечно-золотистые. Она подмигнула в ответ. Сколько раз Бэннер поверяла ему свои секреты, а он клялся не выдавать их Ли и Мике. Она верила ему,

потому что хотела верить. На его дружбу можно было положиться. Каждое его слово она берегла в памяти как сокровище. А когда внимание Джейка отвлекали, Бэннер дико ревновала.

Она знала, что существует какая-то связь между Джейком и ее родителями, Джейком и ее матерью, связь таинственная и священная. Они никогда не говорили о ней, эта тема никогда не обсуждалась. Но чутьем ребенка Бэннер чувствовала – связь была, и радовалась ей, потому что она привязывала Джейка к ним, не давала исчезнуть из их жизни.

Они поравнялись с передней скамьей. Бэннер взглянула на мать и шепнула:

– Я люблю тебя, мама.

– Я... мы тоже любим тебя, – шепнула в ответ Лидия, включая и Росса в их нежный диалог. Слезы стояли в ее глазах, но она улыбалась.

Бэннер улыбнулась родителям и повернулась к священнику. Росс встал между ней и Грейди.

– Кто отдает эту женщину в жены этому мужчине? – спросил священник.

– Ее мать и я.

Росс посмотрел вниз, в лицо Бэннер. Слезы блеснули в его зеленых глазах. Он сжал руку дочери, потом вложил ее в руку Грейди и присоединился к жене.

Бэннер услышала шарканье множества ног: гости вновь усаживались на свои места. Она взглянула в лицо жениху. Да, она твердо знала: ни одна женщина в мире никогда не была счастливее, чем она в этот момент. Грейди – мужчина, которого она выбрала, чтобы прожить вместе всю жизнь. Они будут любить друг друга, как любят мама с папой. Она сделает счастливым каждый день его жизни, чего бы ей это ни стоило. Бэннер была уверена, что Грейди любит ее. Это столь же очевидно, как и то, что сейчас он смотрит на нее.

Церемония началась. Поэтические слова приобретают новое значение для Бэннер. Именно они совершенно точно выразили ее чувства...

Раздался выстрел.

Его звук в безмятежной тишине церкви напоминал звон вдребезги разбившейся вазы. А эхо – острые осколки стекла.

Гости зашумели. Бэннер оглянулась. Грейди рухнул на нее. По его темному свадебному костюму расплзлось кровавое пятно.

2

– Грейди!

Под его тяжестью Бэннер опустилась на пол. Он упал сверху. Она с трудом села, положила голову жениха себе на колени. Машинально, тихонько постанывая от ужаса, начала развязывать галстук, отстегивать воротничок. Грейди оцепенел, глаза его остекленели, губы шевелились, но он не мог вымолвить ни слова.

И все же он был жив. А потому Бэннер, зажимая рану рукой, пытаясь остановить льющуюся струей кровь, сквозь слезы возблагодарила Бога за эту милость.

С момента выстрела не прошло и секунды, а Джейк уже выхватил пистолет и направил его на человека, стоявшего на улице, у ближайшего окна. У человека в руках тоже был пистолет, он держал под прицелом переднюю часть церкви.

– Следующая пуля – для невесты, – предостерег он злобным, резким голосом и в подтверждение своих слов навел дуло прямо на алтарь.

Не только Джейк, все мужчины из Излучины, присутствовавшие на свадьбе, выхватили револьверы и направили их на человека у окна. Перепуганные женщины пытались закрыть головы кто подолами платьев, кто руками. Их мужья заслоняли детей от все еще неопределенной, непонятно от кого исходящей угрозы.

– Всем убрать оружие, – настойчиво потребовал человек.

– Что делать, Росс? – спросил Джейк.

– Делай, что он говорит.

При звуке стрельбы Росс, повинувшись привычке, потянулся за «кольтом». Но «кольта» не было. Кто мог вообразить, что на свадьбу дочери нужно захватывать шестизарядный револьвер? Росс тихо выругался.

Джейк с сожалением бросил пистолет. Остальные последовали его примеру. Только тогда человек у огромного окна переступил через низкий подоконник и шагнул в церковь. За собой он тащил молодую женщину и, шлепнув ее легонько по спине, вытолкнул вперед.

– Я Догги Бернс, а это моя дочурка Ванда.

Этих двоих не нужно было представлять. Догги Бернс гнал лучший в Восточном Техасе самогон, изготавливаемый по рецепту, вывезенному из Западной Виргинии. Любители съезжались за ним издалека. И некоторым приходилось приезжать не один раз, чтобы уладить дельце. Все, кто когда-либо слышал о Догги, знали, что он изворотлив, коварен, опасен и вообще чрезвычайно неприятный тип.

И он, и девица были отвратительно грязны. Жидкие, пегого цвета волосенки Ванды прямыми сальными лохмами свисали на плечи. Рубаха Догги заскорузла от пота. И отец, и дочь щеголяли в драных, неумело заштопанных лохмотьях. Видом своим они оскверняли старинный, празднично убранный храм, лезли в глаза, как царапина на прекрасном бриллианте, заставляющая забыть о его красоте.

– Неудобно мне прерывать вас, – насмешливо заговорил Бернс, приподнимая шляпу перед Лидией и водружая ее обратно на сальные космы, – но мой, понимаете ли, отцовский долг остановить эту веселую свадебку.

Грейди стонал от боли, зажимая рану на плече.

– Пожалуйста, кто-нибудь, – взывала Бэннер, – помогите ему!

Она откинула вуаль, глаза ее казались огромными на враз осунувшемся личике. Лидия протянула дочери носовой платок, чтобы хоть как-то заткнуть кровоточившую рану Грейди.

– Ну-ну, малышка, не помрет он. – Бернс неторопливо переместил тошнотворного вида табачную жвачку из одного угла рта в другой. Коричневая струйка потекла по подбородку. –

Хотел бы убить его – уложил бы на месте, он и не пикнул бы. Мне лишь свадьбу остановить. А ему так и надо, ублюдку. Полнобуйтесь, что он с моей дочуркой сотворил.

Гости поняли, что им ничего не угрожает. Опущенные головы стали подниматься, в ответ на грубость Бернса поднялся ропот, кое-кто поактивней запротестовал.

– Чего ты хочешь? – возвысил голос священник. – Как ты смеешь оскорблять Господа в Его собственном доме?!

– Полегче на поворотах, святой отец. Ты тут собрался им всякие хорошие слова говорить. А ведь один из них не имеет на них права.

Лидия вскочила. Терпение ее лопнуло.

До сих пор Росс прикрывал ее рукой. Теперь же он решительно отстранил жену и выступил вперед.

– Ну ладно, Бернс, все тебя внимательно слушают. Чего ты хочешь?

– А ты видишь, что девочка моя брюхата? – Догги указал дулом пистолета на вздувшийся живот Ванды. – Это отродье Шелдона у нее в утробе.

– Врет он! – огрызнулся Грейди.

– Почему вы так поступаете? Я не понимаю! – воскликнула Бэннер. Она начинала воспринимать происходящее. До сих пор Грейди и его боль поглощали ее целиком. – Почему вы явились сюда и испортили мою свадьбу? Почему?

Зрелище было захватывающим. Такие драмы – редкость в маленьком городишке вроде Ларсена. Гости ловили каждое слово. Будет чем развлечься кумушкам, будет о чем посплетничать. Пищи для разговоров хватит на десятилетия.

– Справедливости ради, – сквозь зубы отозвался Бернс. – Неправильно это, не можете вы выйти за него, раз он моей Ванде ребенка сделал. Ясно теперь?

Грейди зашевелился и, хотя Бэннер удерживала его, сделал усилие и поднялся на ноги. Пошатываясь от боли, как пьяный, он устремил взгляд на Бернсов и громко произнес:

– Она не от меня беременна.

Новая волна перешептываний прокатилась по рядам.

Бэннер вскочила, взяла Грейди за руку и с вызовом повернулась лицом к отцу и дочери, которым так хотелось испортить ее прекрасную, ее совершенную свадьбу, ее жизнь, ее будущее. Она не замечала, что ее прелестное платье все в красных пятнах от крови жениха, как не замечала и все более вольных комментариев зрителей.

Некоторые мужчины в толпе виновато потупились. Ли тяжело переминался с ноги на ногу, избегая смотреть на разъяренного Догги Бернса и на угрюмо молчавшую Ванду. Мика судорожно сглотнул. Ма Лэнгстон посмотрела на него вопрошающе и сердито. Под таким взглядом и ангел почувствовал бы себя грешником.

– А Ванда говорит, от тебя, Шелдон, – насмешливо возразил Догги. – От него, Ванда? – Он вытолкнул дочь вперед. Теперь всем стало ясно видно, что Ванда и впрямь беременна.

Девушка спокойно, без стыда, даже с некоторым самодовольством встретила устремленные на нее взоры, надула губы. Мужчины, немало потрудившиеся над сомнительной репутацией Ванды, раскаивались, что когда-либо прикасались к ней, и возносили хвалу Господу: ведь она спокойно могла указать на многих из них, а не на Шелдона. Некоторые тут же дали Всевышнему обет воздержания.

– Верно, от него, – мрачно подтвердила Ванда. – Все лез, только отец за дверь, он тут как тут. Прямо не отставал. Надоел он мне. Он...

– Продолжай, Ванда, расскажи им все.

Ванда сделала театральную паузу, совсем низко опустила голову и начала перебирать подол платья.

– Он своего добился, – пробормотала она.

– Проклятая лгунья! – завопил Грейди. Крик его разнесся по всей церкви.

Бернс шагнул вперед, помахивая пистолетом.

– Кто лгунья? Моя дочурка лгунья?

– Да, она врет, я ее не насиловал.

Грейди побледнел – и не только от потери крови, потрясения и боли. Он понял, что попался в ловушку и выдал себя. Он скользнул глазами по лицу Бэннер, побелевшему как полотно, по Россу, который стал мрачнее самого дьявола.

– Ну... я... я имею в виду...

Росс кинулся к нему, ухватился за лацканы, приподнял. Теперь они смотрели в глаза друг другу.

– У тебя были шашни с этой потаскухой после помолвки! – заревел Росс.

Быстрый, как ртуть, Джейк был уже рядом. Грейди стонал от боли и лепетал бессвязные оправдания. Джейк нагнулся и поднял пистолет. Бернс промолчал, не попытался помешать ему. По рядам пронесся ропот возмущения. Теперь все как один смотрели с презрением уже не на Бернсов, а на Шелдона.

Джейк взвел курок и ткнул Грейди под подбородок смертоносным дулом.

– Ну, мистер, мы ждем.

Грейди бросил на своих палачей ненавидящий взгляд.

– Может, я и был с этой девицей несколько раз.

Суставы пальцев Росса, сжимавшего лацканы темного пиджака Грейди, побледнели. Дикий рев вырвался из его груди.

– П-почти каждый в этом городишке спал с ней. Любой мог быть на моем месте, – заикался Грейди.

– Но не каждый в этом городишке женится на моей дочери, – прорычал Росс. Он так резко выпустил парня, что тот чуть не упал снова.

– Как ты мог? – спросила Бэннер в наступившей тишине, полной скрытого напряжения.

Грейди с трудом сглотнул и нерешительно потянулся к ней.

– Бэннер, – умоляюще сказал он.

– Не трогай меня, – отшатнулась она. – Не смей трогать меня теми же руками... – Она повернулась и взглянула на Ванду Бернс.

Та стояла, упершись рукой в бок, и злорадно усмехалась.

Бэннер повернулась на каблуках и пошла по проходу прочь из церкви. Неприступная, надменная, гордая. Лидия вышла следом за дочерью со столь же неустрашимым видом. За ней потянулись Лэнгстоны. Ковбои Излучины вереницей выбрались на церковный двор и окружили хозяев, пока те запрягали лошадей и рассаживались по коляскам.

Росс все еще стоял у алтаря. От ярости у него подкашивались ноги. Глаза сверкали гневом. Перед горожанами, перед священником и всеми прочими, кто мог слышать, он предупредил:

– Если ты посмеешь снова крутиться возле моей дочери, я убью тебя. Понял? Но прежде чем я сделаю это, ты сам будешь умолять прикончить тебя.

Он повернулся и, гордо выпрямившись, направился к выходу. Джейк сверлил Грейди холодным взглядом. Тому казалось, это длится вечность. В конце концов Джейк опустил пистолет и вложил его в кобуру со словами:

– Я бы убил тебя прямо сейчас.

Когда он шел по проходу, его шпоры позвякивали в абсолютной тишине.

Бэннер уже сидела в коляске, в надежных объятиях матери, и душераздирающе рыдала. Выдержка покинула ее. Окружавшие ее люди избегали смотреть друг на друга.

Джейк вскочил на нанятую утром лошадь. Росс был занят исключительно дочерью, и распоряжаться пришлось ему.

– Мика, Ли – назад. Если кто увяжется за нами, дайте мне знать. Остальным рассыпаться веером. Смотрите в оба.

Его приказы исполнялись беспрекословно. Ковбои готовы были, как верные вассалы, защищать Коулмэнов.

Джейк тронул лошадь, подъехал к первой коляске. Росс, с окаменевшим лицом, держал вожжи. Бэннер с Лидией, прижавшись друг к другу, тихо плакали. Росс взглянул на Джейка.

– Спасибо.

Джейк выразительно кивнул. Все было ясно и без слов.

Ранчо Излучина приготовилось к свадебному приему, которому не суждено было состояться. Первый удар поджидал Бэннер на дорожке, ведущей от реки к дому. Каждый кол в изгороди был заново побелен и украшен цветами и лентами. Когда же она взглянула на дом, страдания ее стали невыносимыми. Гирлянды цветущей жимолости украшали перила парадного крыльца. Повсюду стояли горшочки с вьющимися побегами желтой форзиции. Во дворе, чтобы разместить предназначенные для множества гостей яства и напитки, были установлены длинные столы. Но гостям не суждено было веселиться за ними. Сцена походила на детскую, любовно приготовленную к появлению на свет долгожданного ребеночка. Но младенец родился мертвым.

Росс выбрался из коляски и помог сойти Лидии. Джейк спешил, протянул руку Бэннеру. Но она находилась в таком оцепенении, в такой унынии, что не замечала Джейка, пока он не тронул ее, не позвал нежно по имени. Посмотрев вниз и увидев его сочувствующее лицо, Бэннер тускло улыбнулась, подала ему одну руку, а другой оперлась о его плечо. Джейк подхватил девушку и опустил на землю.

Ковбои поскакали дальше, к флигелю. Их обычно веселая, шумная ватага притихла, помрачнела. Кто-то из детей Анабет захныкал, попросил пить. Самый маленький разревелся на руках у отца. Гектор тут же отшлепал его, даже слишком сильно. В полном молчании, как будто несли гроб, семейство вступило в дом.

Тут Бэннер поджидало новое испытание. Лидия украсила парадную гостиную корзинами с цветами. Один из покрытых кружевными скатертями столов занимали доставленные, но не распакованные еще свадебные подарки.

Бэннер зашлась в слезах. Росс подошел к ней сзади, положил руки на плечи.

– Принцесса, я...

– Пожалуйста, папа, – пробормотала Бэннер. Ей было неловко плакать при людях. – Мне нужно побыть одной.

Она подобрала подол юбки – жест этот до боли остро напомнил родителям, каким сорванцом-девчонкой была их дочь еще недавно, – и пошла по лестнице наверх. Через несколько секунд дверь в ее спальню захлопнулась.

– Сукин сын, – тихо выругался Росс. Он сбросил пиджак и теперь возился с галстуком. – Я должен был задушить ублюдка голыми руками.

Лидия не стала выговаривать мужу за грубость, а, уткнувшись ему в плечо, расплакалась:

– Просто не могу поверить, не могу поверить, что он... О Росс, это разобьет девочке сердце!

Росс повел ее в гостиную.

Ма считала, что слезами горю не поможешь, а значит, нужно действовать.

– Анабет, отведи малышей на кухню и отрежь им по куску того славного пирога, что принес вчера пекарь, – распорядилась она. – Не пропадать же добру. Ли и Мика, отнесите потом пирог ребятам во флигель, пусть разделаются с ним. Мэринелл, разливай пунш. Думаю, никто не откажется подкрепиться. А ты, Гектор, жутко потеешь. Я таких потливых людей в жизни не встречала. Снимай скорей пиджак и галстук, а то растаешь.

Свадьба Бэннер послужила Лэнгстонам поводом собраться всем вместе. Семья переехала из Теннесси в Техас с Россом и Лидией. Дружба Коулмэнов и Лэнгстонов не боялась ни времени, ни расстояний.

Ма Лэнгстон была бабушкой и Ли, и Бэннер. Эту замечательную женщину, все еще полную и крепкую, Господь наделил духовной и телесной силой, а вдобавок – нежной душой. Она могла крепко выбранить провинившегося, но за бранчивостью ее скрывалась любовь.

Зик Лэнгстон умер очень давно. Бэннер даже не помнила его. Несколько лет после смерти мужа Ма пыталась обрабатывать оставшуюся после него ферму в горной местности к западу от Остина. Двоих ее детей, Атланту и Сэмюэля, унесла эпидемия скарлатины.

К счастью, Анабет, старшая дочь Лэнгстонов, вышла замуж за их соседа Гектора Драммонда, землевладельца и скотовода, вдовца с двумя маленькими дочками на руках. Потом у Анабет родилось два собственных сына. Гектор взялся управлять фермой Лэнгстонов. Он разводил коров и надеялся увеличить стадо.

Мэринелл была чем-то вроде синего чулка. Она уехала из дому в Остин учиться в школе и, чтобы платить за учебу, работала официанткой в гостиницах и в ресторане железнодорожной станции Санта-Фе. Она стала учительницей, замуж не выходила и уверяла, что и не собирается.

Когда Драммонд взял на себя заботу о ферме Лэнгстонов, Росс и Лидия начали уговаривать Ма переехать к ним в Излучину.

Ма согласилась, но на определенных условиях. Милостыни ей не нужно. Она будет работать. И Мика тоже. Мика, младший из Лэнгстонов, был ковбоем.

Росс построил Ма хижину. За хижинной она сама расчистила и обработала поле. На этом поле выращивались все овощи, подававшиеся к столу в Излучине. Ма также обшивала семью Коулмэнов и их работников: Лидия шила куда хуже.

Лэнгстоны и Коулмэны были все равно что родные. Когда требовали обстоятельства, Ма не сомневаясь брала бразды правления в свои руки. И сейчас никому в голову не пришло оспаривать ее приказания, напротив, все бросились выполнять их.

В гостиной Джейк налил в стакан виски и молча протянул Россу. Тот взглядом поблагодарил его. Лидия немного успокоилась, подняла голову с плеча мужа.

– Мне надо бы пойти поговорить с ней. Но я не знаю, что сказать.

– Черт меня побери, если я знаю, – проворчал Росс и залпом осушил стакан.

Лидия встала, оправила юбку и, прежде чем выйти из комнаты, подошла к Джейку и погладила его по щеке.

– На тебя мы всегда можем положиться.

Джейк накрыл ее руку своей, сжал.

– Всегда, – кивнул он со значением.

Платье Бэннер было испачкано кровью. И это соответствовало ее состоянию. Она чувствовала, что сердце ее тоже истекает кровью. Бэннер вглядывалась в свое отражение в зеркале, и ей не верилось, что всего несколько часов назад она смотрелась в него – счастливая, ничего не подозревающая, наивная.

Она не могла ни минуты больше оставаться в этой пародии на свадебное платье. Ей казалось, если она не избавится от него, то завопит в голос. У Бэннер не было сил звать кого-нибудь на помощь, и она сама расстегивала крючки на спине, обрывая их, если дрожащие пальцы не справлялись с застежкой достаточно быстро.

Наконец она отшвырнула наряд в сторону. Белье тоже было в пятнах крови. Бэннер содрала его, оставшись совсем голой, а затем принялась безжалостно отскребать себя над тазом. Но не успела она вымыться, как опять, заливая щеки, хлынули слезы. Бэннер накинула халат и, рыдая, бросилась на кровать.

Как мог он так поступить с ней? Узнать, что у Грейди была другая женщина, оказалось убийственно больно. Но дело не только в этом. Как мог он ходить к дрянной женщине, когда она призналась ему в любви? Вот что самое жестокое, самое унижительное, вот в чем настоящее предательство. Грейди изливал свою страсть ей, а утолял ее с Вандой Бернс.

Бэннер представила их вместе, и ее затошнило.

Она услышала, как тихо скрипнула дверь, и повернулась на этот звук. Лидия подошла к постели, присела на край и молча прижала дочь к груди.

Они долго сидели, обнявшись и покачиваясь. Наконец слезы Бэннер иссякли. Она зарылась головой в колени Лидии. Та перебирала пальцами волосы дочери, темные, как у Росса, но пушистые, как у нее. Непокорные кудри упорно ложились по-своему, не желая покоряться гребням и шпилькам.

– Мы с папой... Ох, лучше бы больно было нам, а не тебе. Мы все отдали бы...

– Знаю, мама.

– И мы все, все что угодно сделаем, лишь бы помочь тебе справиться с этим.

– И это знаю. – Бэннер шмыгнула носом, вытерла его тыльной стороной ладони. – Почему он сделал это? Как мог он сделать мне так больно?

– Он не хотел причинить тебе боль. Но он мужчина и...

– Значит, он поступил правильно?

– Нет, но...

– Я вовсе не думаю, что жених должен быть целомудренным, как невеста. Я не настолько наивна. Но он объяснился в любви, он просил девушку выйти за него замуж – разве это ни к чему не обязывает, разве не означает обета верности?

– Думаю, да. И большинство женщин согласны со мной. Но мужчины? Полагаю, большинство – нет.

– Он должен был сдерживать себя. Или я недостаточно хороша и меня не стоит ждать?

– У него в мыслях не было ставить тебя на одну доску с той девушкой.

– Мне тоже этого хотелось. Я хотела выйти замуж и для этого тоже! Я говорила ему! – воскликнула Бэннер.

Многие матери на месте Лидии упали бы в обморок, доведись им услышать подобное признание. Но Лидия не дрогнула. Она понимала, что такое чувственность, ценила ее и надеялась, что дочь тоже будет получать удовольствие от сугубо интимной стороны жизни. Она не видела в плотской любви ничего постыдного, ничего такого, о чем нельзя говорить вслух.

– А если бы я побежала к другому мужчине? Как это понравилось бы Грейди? Простил бы он меня, заслуживала бы я прощения?

– Нет. – Лидия вздохнула. – Но так уж устроен мир. Считается, что у мужчины должны быть... приключения. Но Грейди попался. И заплатил за это. Но вместе с ним расплачиваться пришлось и тебе. Вот что плохо. – Она потрепала Бэннер по щеке.

– Может, я чересчур обидчива? Нетерпима? Может, простить его? А тебе приходилось прощать папе «приключения»? – Бэннер приподнялась, посмотрела прямо в глаза матери. – У папы были другие женщины после встречи с тобой?

Лидия вспомнила – как-то ночью Росс устроил пирушку для мадам Ларю, кажется, так ее звали, и ее девок в их повозке. Он оставался там допоздна, вернулся пьяным, и от него воняло духами этих шлюх. Тогда, да и позже, Росс клялся, что, хотя и был в повозке у мадам, тем дело и ограничилось, ничего у него ни с кем из них не было. Лидия верила ему.

– До меня у Росса было много женщин, но после нашей встречи – нет. Я понимаю, как тебе больно.

– Грейди, наверное, не любил меня так сильно, как папа любит тебя.

– Но кто-нибудь полюбит, дорогая.

– Нет, мама, нет. – Бэннер снова зарыдала.

Наконец Лидия ушла. Бэннер лежала на кровати и смотрела в потолок невидящими глазами. Ей надо было разобраться в своих чувствах. Какое из них острее – боль или гнев? Любила ли она еще Грейди, или любовь ее умерла, когда она узнала об измене? Злилась она, конечно, ужасно. Он опозорил не только ее, но и всю их семью. Ларсен надолго запомнит этот день. Людей ведь хлебом не корми, только дай потолковать о чужих несчастьях. И неважно, что винить будут не Коулмэнов. Все равно Грейди запятнал не только себя, но и их.

Бэннер злилась. И гнев был сильнее боли. Никогда, даже через миллион лет, не захочет она вернуть Грейди. Ее больше мучили страдания родителей, а не разлука с женихом. Пусть спит, где постелил. Никогда еще старая пословица не приходилась настолько к месту.

Но в таком случае, возможно, она не любила его вовсе. Только думала, что любит. И все же, если бы его обман сегодня не раскрылся, она не узнала бы, какой он слабохарактерный, осталась бы в блаженном неведении, вышла бы за него замуж и любила всю свою жизнь. В этом она была уверена. И это ослабляло ее гнев.

Так Бэннер лежала довольно долго, не замечая, как бежит время, пока в комнате не стемнело и она не поняла, что солнце зашло.

Бэннер вскочила с постели и поклялась, что не станет прятаться, как виноватая. Да будь она проклята, если позволит Грейди Шелдону и городским сплетницам взять над собой верх.

Она ополоснула лицо холодной водой, промыла опухшие глаза, надела простенькое клетчатое хлопчатобумажное платьице, поправила прическу и сошла вниз. Домочадцы сидели на кухне и ужинали. При появлении на пороге Бэннер разговор резко оборвался.

Все застыли, как на рождественской открытке, и почтительно уставились на девушку. Примолкли даже дети Анабет. Чего они ожидали? Что она удалится в свою комнату навеки? Навсегда останется инвалидом? Облачится в темные траурные одежды? Начнет хандрить, как засохшая старая дева?

– Я хочу есть, – объявила Бэннер. – Что-нибудь осталось?

Родные засуетились, освобождая ей место и наперебой пододвигая тарелку, серебряный столовый прибор, блюда с кушаньями. Снова заговорили – чересчур громко, заулыбались – чересчур широко. И глаза у них были чересчур ясные.

– Ты что-то говорил о быках, Гектор! – заорал Росс таким зычным голосом, что малыш Анабет расплакался.

– Ну да, ну, я...

Бедняжка Драммонд, подумала Бэннер, опуская глаза. Он и без того перенервничал, а его еще ставят в столь затруднительное положение. Ну не способен он сейчас поддерживать застольную беседу, не способен. Сама Бэннер говорила мало и не отрывала глаз от тарелки. На самом деле она вовсе не была голодна, но заставила себя съесть по крайней мере половину порции.

Праздничные украшения исчезли, кто-то, наверное Ма, позаботился, чтоб от подготовленного к свадьбе убранства не осталось и следа, разве что фруктовый пунш на столе. Лидия унесла запачканное свадебное платье из спальни дочери. Бэннер надеялась, что его сожгли. Корзины с цветами тоже вынесли. Двор убрали. Лидия заверила дочь, что об отсылке свадебных подарков волноваться не нужно: она возьмет на себя эту мучительную обязанность. Бэннер решила, что мама уже выполнила обещание, потому что коробок с подарками тоже видно не было.

Словом, если не обращать внимания на то, что за столом собралось слишком много народу, – это был обычный весенний вечер. Бэннер казалось, что она чувствует себя даже свободнее, чем остальные. Время от времени они взглядывали на нее, как будто она в любой момент могла начать рвать на себе волосы.

Дети кончили есть, и Мэринелл вызвалась пойти погулять с ними. Ли и Мика тоже поспешили ретироваться, бормоча что-то о партии в покер во флигеле. Ма принялась убирать со стола.

– Сиди, – цыкнула она на Лидию, когда та поднялась, чтобы помочь ей. – Я мигом управлюсь.

Анабет хлопотала вместе с матерью. Гектор и Росс оживленно беседовали о скотоводстве.

Лидия не отрываясь глядела на мужа. Джейк, неторопливо прихлебывая кофе, – на Лидию.

Бэннер не обращала на это внимания: так было всегда.

– Выйду подышать на крыльцо, – заявила она, отодвигая стул.

– Пойдемте все, – поспешно сказала Лидия. – Проветрится. Джейк, Гектор, если не допили, берите кофе с собой.

Ма кончила возиться на кухне, и Мэринелл отвезла ее домой. Анабет и Гектор уехали вместе с ними: укладывать спать своих артачившихся отпрысков. Разговор перескакивал с одного на другое, Бэннер пропускала все мимо ушей и в конце концов сошла на крыльцо во двор.

– Куда ты?

– Просто пойду прогуляюсь, – бросила она через плечо, заметив беспокойные нотки в отцовском голосе.

Бэннер добрела до конца изгороди, шедшей по границе выгона. Кобыла с жеребенком гонялись друг за другом по молодой и сочной весенней травке.

– Похоже, резвый будет.

Девушка оглянулась и увидела направлявшихся к ней Ли и Мику.

– Будет, будет. Он от Спартанца?

– Да. Один из лучших. Правда, Мика?

– Конечно. Ручаюсь.

– Вы что, ушли о лошадиных статях поговорить? Я думала, вы в покер режетесь.

– Проигрался в пух, – ответил Мика и сделал движение, будто выворачивал карманы.

В лунном свете волосы у него были почти как у Джейка. Но не совсем.

Бэннер уперлась руками в бока.

– А кто на днях хвастался, что любого в карты побьет?

– А почему ты никогда ничего не забываешь?

Они подшучивали друг над другом, как обычно, пытаясь скрыть неловкость. Но после сцены в церкви трудно было вести непринужденную беседу.

– Зачем вы на самом деле пришли сюда? – спросила Бэннер.

Ли взглянул на Мику, тот ободряюще кивнул.

– Ну, мы... ну, мы хотели потолковать с тобой о том, что в церкви случилось.

Бэннер ухватила за верхнюю жердь и вскарабкалась на изгородь.

– И что же вы хотели мне сообщить?

– Ну, Бэннер, ведь не один Грейди виноват...

– Ты о чем?

Ли запнулся и с мольбой посмотрел на Мику, который, казалось, был поглощен созерцанием резвившегося в загоне жеребенка, так что помощи от него ждать не приходилось.

– Ну, ты знаешь, у той шлюшки много парней было. Она просто наугад пальцем ткнула, могла и ошибиться.

– Да-да, – вдруг подхватил Мика. – Любой из пятидесяти парней в городе мог оказаться на месте Шелдона. Но он подходящая добыча – у него ведь лесопилка и все такое. Понимаешь?

– Пусть он спал с ней, это совсем не значит, что ребенок его. Вот мы о чем толкуем, – сбивчиво закончил Ли. – Может, тебе полегче будет, если узнаешь.

У Бэннер встал ком в горле.

– Мне полегче от того, что вы заботитесь обо мне.

Она крепко обняла Ли, потом Мику. Мика тоже обнял ее, но довольно неуверенно. Он, конечно, не был просто ковбоем, но и членом семьи тоже не был. Мика дразнил Бэннер с тех пор, как она подросла и начала заплетать волосы в косички, но в последнее время он стал замечать в ней кое-какие перемены, ускользавшие от ее брата. Мика не был нечувствителен к этим переменам, но у него хватало сообразительности и выдержки держаться на расстоянии. Ему бы и в голову не пришло волочиться за Бэннер и навлекать на себя гнев Ма, а тем паче Росса, и ставить под угрозу дружбу с ним.

Мика давным-давно усвоил, что для ковбоев, а значит, и для него, Бэннер недосыгаема, и смиренно принял это как данность. На свете полно девчонок, может, и не таких хорошеньких, но ни одна женщина не стоит ни мужской дружбы, ни тем более жизни.

– Я ценю вашу попытку утешить меня, – мягко сказала Бэннер. – Может, не Грейди отец ребенка. Но все равно он виноват, потому что спал с ней, да он и сам признался. Как бы то ни было, он изменил мне.

– Согласен, пусть так, – уступил Мика.

Одно он знал точно: если бы Бэннер Коулмэн досталась ему – у него хватило бы ума не рисковать, он бы уж не упустил ее, потерпел бы, авось не лопнула бы ширинка. Он встречал в жизни немало дурней, но с таким идиотом, как Грейди Шелдон, сталкиваться не доводилось.

Ли ковырял землю носком ботинка.

– Неловко, что парень вроде как отвечает за нас за всех... Ну, за многих из нас. Но морду я бы ему набил с удовольствием.

Бэннер взяла его за руку.

– Спасибо. Не стоит.

Ли поднял голову и улыбнулся сводной сестре.

– В Тайлере открылась новая галантерейная лавка. Говорят, это что-то! Мы с Микой собираемся скатать туда как-нибудь в субботу, вот только ожеребятся кобылы – сразу поедем. Не хочешь присоединиться?

Теперь Бэннер знала – они любят ее. Ведь раньше она бегала за ними, как нитка за иглой, упрашивая взять ее с собой, а они безжалостно оставляли ее на дороге глотать пыль.

– Спасибо, я не против, – улыбнулась она друзьям.

Ли с Микой скрылись в темноте, но до Бэннер долго еще доносилось их негромкое бормотание. Потом все смолкло, сумерки поглотили пареньков. Легкими шагами она вернулась во двор, прислонилась к орешнику, постояла немного, созерцая открывшуюся перед ней мирную картину.

Контурсы дома были едва различимы в темноте, но он казался теплым и приветливым; окна светились золотистым светом: внутри уже зажгли керосиновые лампы. Вьюнок только начал виться по колоннам – по три с каждой стороны крыльца. Летом он разрастется по настоящему. Первые ростки циннии и дельфиниума зеленели на клумбах. Над кухней еще вился дымок. Обманчивая картина. Ничто не напоминало о случившейся драме.

Первое время после переезда Росс с Лидией перебивались кое-как в крытой повозке Мозеса. Для начала Росс соорудил на скорую руку домишко с кухней и жилым помещением, отделенным от спальни коридорчиком. Это было тесное и нелепое сооружение, но Лидия не возражала. Она понимала, что самое главное – наладить дело.

Бэннер родилась в том домишке, и только когда ей исполнилось десять лет, они переехали в новый дом. Даже по городским стандартам он получился грандиозным. Наверху четыре спальни, хотя Ли часто ночевал с ковбоями. Внизу – парадная гостиная, маленькая

гостиная, столовая, которой редко пользовались, предпочитая есть в просторной кухне. В задней части дома – кабинет Росса, из него через короткий коридор выход на заднее крыльцо.

Бэннер впитывала, втягивала в себя окружающую тишину, это спокойствие застигало ей глаза, как и слезы. Без тени сомнения готовилась она покинуть родной дом, выйти замуж, потому что была уверена, что в их с Грейди доме будет еще больше любви. Но мечтам этим не сбыться никогда, и сердце Бэннер обливало кровью.

Росс и Лидия сидели вместе на плетеном диванчике-качалке. Джейк стоял рядом, опираясь о колонну. В темноте светился красный кончик его сигары. До Бэннер доносился приятный запах дыма. Рядом с парой на диване Джейк казался неприкаемым.

Насколько Бэннер могла разглядеть, Росс погладил Лидию по щеке и положил ее руку себе на плечо. Другая ее рука спокойно лежала на бедре мужа. Он нагнулся, нежно поцеловал пробор в ее волосах.

Две слезинки выкатились из глаз Бэннер. Она страстно желала такой любви, мечтала о ней. О мирной и надежной любви. Прикосновения... Говорящие взгляды, понятные только двоим... Ей хотелось почувствовать такое единение с мужчиной. Именно поэтому разочарование было столь глубоким.

Отчаяние окутало ее как саван. Бэннер поспешно вышла из скрывавшей ее тени дерева, взбежала на крыльцо, не останавливаясь, пожелала всем спокойной ночи и поднялась к себе в комнату.

Она подошла к сундуку, в который уложили часть ее приданого, и достала ночную сорочку, специально сшитую для брачной ночи.

Она мучила себя, но чувствовала, что должна сделать это. Сорочка была из тонкого белого батиста с вырезом и длинными рукавами. Вырез украшен вышитыми розочками и узкой полоской кружев. Рукава стянуты на запястьях ленточками. Просто, элегантно и соблазнительно. Она натянула сорочку. Очертания тела просвечивали сквозь складки полупрозрачной ткани.

Бэннер легла в постель. Одна. И с головой погрузилась в печальные размышления о своей потере, о том, чем эта ночь должна была стать. Такой чужой всем, ненужной она не чувствовала себя никогда прежде. Только она одинока этой ночью. Ма Лэнгстон окружена собравшимися под ее кровом детьми и внуками. У Росса, конечно, есть Лидия, а у Лидии – Росс, у Ли и Мики – их дружба, даже Мэринелл не одинока – наслаждается своими книгами.

Одинока только невеста.

Бэннер услышала шаги: родители поднялись к себе, дверь за ними закрылась. У нее сильнее забилось сердце, опять накатила боль. Это нечестно! Ее обманули. Почему Грейди не любит ее так, как папа любит маму? Кто исключение из правил – Грейди или Росс с Лидией?

Тело тоскливо ныло. Всем своим существом она жаждала почувствовать рядом тепло другого тела. Мужского тела. Почувствовать мужские руки, обнимающие, нежно касающиеся ее. Руки мужчины, который любит. Сердце жаждало слиться с другим сердцем.

Бэннер беспокойно ворочалась некоторое время, потом откинула простыню и подошла к окну. Ветерок освежил щеки, но не мог задуть пылавший внутри огонь. Прекрасная ночь купалась в серебряном свете месяца. Мерцали звезды. Благоухал клевер на лугах. Каждой клеточкой Бэннер ощущала себя частью природы.

Во дворе она заметила какое-то движение. Красная точка, как светлячок, слетела с крыльца и пропала. Сигара Джейка. Секундой позже спустился и он сам. Его шпоры тихонько позвякивали. Джейк пересек двор и направился к самой старой конюшне на ранчо, где стояла его лошадь, повредившая ногу.

Джейк...

Не только она одинока. Джейк тоже. И тут ей пришло в голову – он ведь всегда одинок. Среди дружных Коулмэнов и Лэнгстонов он был сам по себе, отдельно. Он разговаривал, смеялся, но он был одинок.

Бэннер догадывалась почему. Безграничная жалость переполнила ее.

Джейк проскользнул в конюшню, и почти сразу Бэннер увидела тусклый свет фонаря в одном из пыльных окон.

Эта ночь должна была стать ее брачной ночью. Ее отвергли. Нельзя нанести женщине оскорбление более тяжкое. Невеста, стоявшая на пороге сияющего будущего, погрузилась в бездну отчаяния. Ее публично унизили.

Сегодня же ночью ей надо вновь почувствовать себя желанной, почувствовать себя женщиной. Иначе это может стать непоправимым. Ей отчаянно нужен кто-то, кто поддержал бы ее, сказал бы, что она красива, уверил бы, что она не менее привлекательна, чем Ванда Бернс. Ей нужна любовь. Не родительская любовь и не братская.

Любовь мужчины.

Бэннер трепетала. Голова закружилась от осенившей ее идеи. Как зерно прорастает в землю, идея эта проникала в мозг. Ее не удержать, как не удержать распускающуюся почку.

Бэннер кинулась к туалетному столику, глянула на себя в зеркало. Попыталась представить, какой покажется она мужчине, который этой ночью так же одинок, так же лишен любви. Не давая себе времени передумать, она схватила шаль, накинула на плечи. Затем неслышно спустилась по лестнице и прокралась к выходу.

3

В старой конюшне пахло сеном, кожей, лошадьми. Бэннер нравились эти знакомые запахи. Она проскользнула внутрь, вдохнула их полной грудью и бесшумно прикрыла за собой дверь. Тепло и духота окутали ее, словно одеялом. Было тихо, но все дышало скрытой жизнью. Жеребье кобылы отдыхали в стойлах. В углу трещал сверчок.

Бэннер не смущало, что она находится в конюшне в неурочный час и на ней только легкая сорочка. Ей не раз приходилось бодрствовать так всю ночь напролет, когда у кобылы случались трудные роды. Но непривычно было находиться в конюшне ночью наедине с мужчиной, пусть она и знала его всю жизнь.

Сомнения начали одолевать ее. Она поступала очень смело. Двадцать четыре часа назад ей это и в голову не пришло бы. Но двадцать четыре часа назад она не знала, что судьба может быть так жестока, давать такие крутые зигзаги, изменять будущее человека, вовсе не интересуясь, согласен ли он.

Решение принято. Она зашла слишком далеко, отступить поздно.

На цыпочках Бэннер направилась к кружку света в одном из дальних стойл. Соломинки покалывали босые ступни. Лошади привыкли к ее запаху, и ни одна не заржала, когда она кралась мимо них.

Плоская черная шляпа Джейка с широкими полями висела на гвозде, вбитом в деревянную подпорку, Бэннер потрогала эту войлочную шляпу и улыбнулась: поверхность оказалась такой пыльной, что от прикосновения на ней осталась темная полоса.

Стена, разделявшая стойла, доходила до плеча девушки. Она глянула поверх нее и увидела Джейка. Он возился с передней правой ногой коня – исследовал оставленную камнем вмятину, – оттянув ее назад и поставив копыто себе на колено.

Бэннер обрадовалась возможности рассмотреть его, оставаясь невидимой. Она помнила его с детства, но сейчас дело другое. Теперь он не просто ее защитник, верный друг ее родителей, кумир Ли и Мика, сын Ма. Она изучала Джейка, отказавшись от прежних представлений о нем, изучала как чужого мужчину.

И новый Джейк чрезвычайно ей понравился. Бэннер не сознавала, что нынешнее ее впечатление было предопределено: она любила его всю жизнь, пусть по-иному, но любила.

Фонарь ярко освещал его белокурую гриву, непокорную, под стать ему самому. Сейчас он наклонился, и Бэннер могла видеть непослушные, прихотливые и такие милые завитки на его макушке. Бэннер не могла представить себе волосы Джейка напомаженными. А Грейди иногда помадил свои каштановые кудри. Нет, Джейк никогда бы не позволил принудить к чему-либо даже частичку своего тела.

Он не подстригал волос, Бэннер не знала – нарочно или просто от небрежности, и они доходили до воротничка рубашки. Около ушей хорошей формы волосы вились немного меньше. Но бачки цвета спелой пшеницы, спускавшиеся на щеки, были совсем кудрявыми. Бэннер хотелось потрогать их, ощутить контраст между их жесткостью и бархатистой мягкостью мочек ушей. Брови Джейка, в данный момент напряженно нахмуренные, были точно того же непередаваемого светлого оттенка.

Она изучала знакомые с детства черты, вернее, то, что могла разглядеть: ведь Джейк склонился над поврежденным копытом. Она увидела, что у него глубоко посаженные глаза, слегка впалые щеки. Он казался бы изможденным, если б не бросающаяся в глаза гибкая сила.

У него были мощные, очерченные резко, без тени мягкости, челюсти. Человек с такими челюстями готов ответить на любой, самый грозный вызов. Усы и борода у него тоже навер-

няка оказались бы светлыми, но Джейк брил лицо, и сейчас только отросшая за день щетина покрывала его подбородок.

Бэннер попробовала представить себе Джейка с усами, как у папы, но сразу же отказалась от этой мысли. От созерцания его рта, большого, с выдающейся нижней губой, у нее сладко заныло в животе. Конечно, закрыть такой замечательный рот усами – настоящее преступление, решила она.

Джейк, наверное, переоделся сразу после возвращения домой. На нем, как за ужином, были мягкая хлопчатобумажная рубашка неяркого синего цвета, грубые джинсы, старые, потертые сапоги. На шее – красный льняной платок. Ни кобуры с «кольцом», ни жилета, ни кожаных штанов, которые она видела на нем утром.

Рукава рубашки он закатал до локтей. Бэннер заметила переливающиеся при каждом движении мускулы и сильно загорелую кожу, покрытую волосками, такими светлыми, что при свете фонаря они казались белыми.

Джейк ловко и осторожно осматривал большую ногу лошади. Его тонкие, длинные и, по-видимому, очень сильные пальцы ощупывали копыто, то сжимая его, то ослабля хватку. От наблюдения за их ритмической пляской у Бэннер опять как-то странно заболел живот.

Она даже не предполагала, что существует на свете такая абсолютная мужественность, зрелая, полная скрытой силы. А ведь она жила в окружении мужчин: Росса, Ли, Мика, работников на ранчо. Но она никогда не рассматривала их, как сейчас рассматривала Джейка. А если бы и рассмотрела – вряд ли была бы так потрясена.

Именно мужчины типа Джейка волновали Бэннер.

Она оробела перед этой неуправляемой, стихийной мужественностью.

Но удивительно, вместе с робостью в ней пробудилось и женское естество. Мужественность Джейка притягивала Бэннер, не позволяла выскользнуть незамеченной из конюшни, заставила заговорить. Еще минута, и она не выдержала бы, убежала, а потом всю жизнь гадала, что могло бы произойти, достань у нее храбрости довести дело до конца. Но если Бэннер и предстояло жалеть о чем-либо, то, во всяком случае, не о своей нерешительности.

– Как лошадь?

Джейк вздрогнул от неожиданности, поднял голову.

– Силы небесные! С ума сошла – так подкрадываться! Тебе что, делать нечего?! Эдак мы с Бураном зайками останемся.

Он посмотрел на ее босые ноги и подол сорочки, все остальное закрывала бахрома шали. Бэннер скрестила руки на груди, кутаясь в шаль, как индианка в одеяло.

– Ты чего тут шляешься? Я думал, все пошли спать.

Глаза у него действительно неправдоподобно синие. Почему она раньше не обращала на них внимания? Конечно, если б кто спросил: «Слушай, какого цвета глаза у Джейка Лэнгстона?» – она машинально ответила бы: «Синие». Но сейчас, когда он, сидя на корточках, посмотрел на нее снизу вверх, она буквально утонула в их сиянии.

Создавая глаза Джейка, природа не поскупилась на яркие краски: одарила белизной белки, а радужную оболочку – лазурью, как небо поздней осенью. Бэннер впервые заметила, что ресницы Джейка у основания темные, а их загибающиеся кончики выцвели на солнце.

В общем, интересные глаза, ей хотелось бы незаметно, без помех изучить их получше. Но Джейк неотрывно смотрел на нее, ждал ответа, почему она не спит спокойно, завернувшись в одеяло, в теплой кровати.

– Не могла уснуть. – Бэннер вдруг смутилась, опустила голову.

– А-а! – Джейк выпрямился в полный рост, потрепал Бурана по шее. Окунул руки в ведро, обмыл, потом потряс ими и вытер полотенцем. – Что ж, понятно, после сегодняшних событий...

Бэннер подняла голову, но ей так и не пришлось узнать, что Джейк собирался добавить: он осекся, сжал челюсти, глаза его были прикованы к лицу Бэннер. Он с трудом отвел их, моргнул. Он не мог не заметить, что девушка почти раздета.

– Ты можешь нажать кучу неприятностей, если будешь разгуливать в темноте в таком наряде, – отрывисто, будто задыхаясь, сказал он.

– Правда?

Глубокое замешательство отразилось на лице Джейка. Рот приоткрылся, но сразу же сжался в обычную твердую, жесткую линию.

– Да, черт возьми, не сомневайся. Пошли, я отведу тебя домой.

Он сделал движение в ее сторону, хотел взять за руку, но она отступила, подошла к Бурану и принялась поглаживать его.

– Ты не ответил, как Буран.

– Превосходно.

– В самом деле?

– Копыто поболит несколько дней, вот и все. Пошли.

– А что случилось с Джеком-Пропойцей?

– С Пропойцей? – Джейк не удержался и улыбнулся. – Вот лошадка была, а? Его, бывало, тронуть не успеешь – уже знает, чего я хочу. Да я мог весь день проспать в седле, Пропойца ни на шаг не собьется с пути. Чертовски хорошая была лошадь. Но он попал копытом в нору луговой собачки и сломал ногу. Пришлось пристрелить. – Джейк склонил набок голову. – Как это ты ухитрилась запомнить Джека-Пропойцу?

– Запомнила вот. – Бэннер все еще поглаживала Бурана. Как и все ковбои, Джейк о лошади заботился больше, чем о себе.

Шаль соскользнула, и Джейк не смог отвести глаз от лежавшей на широкой спине коня девичьей руки, очертания которой просвечивали сквозь рукав.

– Мне было лет двенадцать, ты приехал повидать нас. Ты хотел погостить несколько дней, но вдруг собрался уезжать. Мама приготовила коровий горох, кукурузные лепешки, жареную курицу и яблочный пирог. Все мое любимое. Но я ничего не ела. Я была вне себя от горя, потому что ты опять уезжал, а ведь папа уговаривал тебя остаться. Папа велел мне выпрямиться и вести себя как положено или же уходить из-за стола. Я надулась и пошла к себе, даже «до свидания» сказать отказалась. Из окна спальни я видела, как ты уезжал. – Бэннер повернулась к Джейку, головой прислонилась к лошади. – Я не могла усидеть в комнате. Я скатилась с лестницы и бросилась за тобой, я гналась за тобой по берегу и звала что было мочи. В конце концов ты услышал меня, посадил на Джека рядом с собой и обнял. Ты уговаривал меня не плакать и обещал приехать на Рождество. – Глаза, сверкающие, как топазы, и прозрачные, как изумруды, обвиняюще уставились на Джейка. – Но не приехал.

– Наверное, что-то помешало.

– Ты не приезжал два года.

Только сейчас она поняла, как много значил для нее тот день. Он уехал, а она долго-долго лежала в кровати и горько рыдала. Она чувствовала, что много времени пройдет, прежде чем они встретятся вновь. И сердце ее разрывалось на части.

Наверное, она пылко любила его. Он был высокий, красивый, храбрый и знал так много чудесных историй, ее тянуло к нему. Он дразнил ее, но не так, как Ли и Мика. Они только вызывали раздражение, а с ним она чувствовала себя взрослой.

Бэннер выпрямилась и смело шагнула к Джейку, подошла настолько близко, что подол сорочки коснулся его сапог.

– Ты разрешил мне доехать до ворот на Джеке-Пропойце. Это было особое прощание, потому что никого больше не было вокруг. Ты целиком принадлежал мне. – Их взгляды

скрестились, Бэннер запрокинула голову, темные волосы рассыпались по плечам, упали на грудь. – Ты поцеловал меня.

Просто по-братски чмокнул в щеку, но она никогда не забывала того поцелуя.

От этих трех сказанных шепотом слов Джейк подскочил как ужаленный. Он грубо схватил девушку за руку сильными пальцами и, развернув к выходу из стойла, поспешно потянул за собой.

– Пора в кроватку. Тебе нужно хорошенько выспаться.

Но Бэннер медлила.

– Где ты собираешься ночевать? Во флигеле?

– Нет. Еще ночку надо побыть рядом с Бураном. Буду спать, как и вчера, на конюшне.

– Не слишком-то здесь удобно. – Бэннер высвободила руку из тисков.

– Очень даже удобно. А теперь пошли...

– На чем ты будешь спать? У тебя есть матрас?

– Матрас? – Джейк почти кричал, хотя ни за что не признался бы, почему вышел из себя. – Ты говоришь с человеком, который чаще ночует под открытым небом, чем под крышей.

– Ну и что? Зачем спать черт-те как, раз нет необходимости? – парировала Бэннер.

Джейк не успел остановить ее. Бэннер отвернулась и принялась обследовать стойла в поисках его седельной сумки и скатанного в трубку походного одеяла. Обнаружив их, она уперлась руками в бока, посмотрела ему в лицо.

– Джейк Лэнгстон, что подумают люди, если узнают, что Коулмэны из Излучины заставляют своих гостей спать как приبلудных псов?

Шаль распахнулась на ее груди. Она позволила Джейку рассмотреть глубокий, обрамленный розочками вырез сорочки и то, что скрывалось за ним. Затем, уже почти перестав нервничать, спокойно запахнула шаль, но не сдвинулась с места, пытаясь раздражить его.

– Чудесно, милочка, – с трудом, как будто его челюсти сводило судорогой, выговорил Джейк. – А теперь уходи, тогда я воспользуюсь этой постелью, раз уж ты ее откопала.

– Нет, сперва я устрою все поудобней. Подай-ка мне несколько запасных лошадиных попон. Они чистые. Будет, по крайней мере, что подстелить под твое одеяло.

Джейк нетерпеливо взъерошил волосы, но все-таки принес попоны и, протянув их девушке, коротко бросил:

– Поспеши. Уже поздно, тебе пора домой.

Он стал мрачнее тучи, но Бэннер будто не замечала его состояния. Стараясь не думать, что бы это могло значить, она бросила одеяло на пол и с излишней суетливостью встряхнула первую попону, а потом расстелила ее на сене. И так три раза. Наконец дошла очередь до одеяла. Бэннер положила его сверху и опустила на колени расправить складки. Может, она догадывалась, что шаль с одного ее плеча упала и потянула за собой рукав сорочки, но не сделала даже попытки исправить положение.

Под тонкой тканью трепетали ее груди. Протянув руки, чтобы поправить соломенный тюфяк, она ощутила их тяжесть. Она натянула подол сорочки на колени и почувствовала, как легкий батист ласкает соски. В свете фонаря цвет ее кожи казался еще ярче. Оттеняли ли блики света нежную ложбинку между грудями? Заметил ли Джейк, что она больше не двенадцатилетняя девчушка-с-зареванной-мордашкой? Набравшись смелости, Бэннер встала и посмотрела ему в лицо.

– Так гораздо лучше, правда?

Джейк вытер ладони о штанины. Морщины по бокам его рта углубились. На виске билась жилка.

– Да, так лучше. А теперь спокойной ночи, Бэннер.

Он резко отвернулся и принялся перекидывать вещи из сумки на служившую полкой планку в стене стойла.

– Но я не засну.

– Все равно, ступай ложись.

– Не хочу.

– Я хочу.

– Почему?

– Потому что не годится тебе быть здесь как... ну, так.

– Почему?

– Потому что.

Он будто сгорбился, будто приготовился к обороне. Движения его стали быстрыми, но неуклюжими. Казалось, ему стоило немалых усилий установить стаканчик для бритвы на узкой полке.

– Джейк... – Он что-то промычал в ответ. – Джейк, посмотри на меня.

Он застыл. Руки его прекратили бессмысленную суету. Вцепившись в верхнюю перекладину стены, он постоял с минуту, глубоко вздохнул. Плечи его приподнялись. Потом обернулся. Но не посмотрел на Бэннер, а уставился куда-то в пространство, поверх головы. Обхватив себя за талию, Бэннер крепко сцепила руки и так стояла, прямая и непреклонная.

– Джейк, займись со мной любовью. – Она облизнула губы.

На несколько секунд воцарилось молчание, полное напряжения, невысказанных мыслей, гулко-го биения сердец. Ни он, ни она не двигались. Засопела одна из лошадей, и Джейк посмотрел в ее сторону, потом опустил глаза и принялся, переминаясь с ноги на ногу, рассматривать носки сапог так внимательно, будто никогда раньше их не видел. Затем сунул руки в карманы штанов, но тут же вытащил, будто обжегся. Скрестил руки на груди. Взглянул на ряд стойл, на освещенные мерцающим светом фонаря балки. И наконец на Бэннер, на этот раз прямо на нее.

– Думаю, тебе лучше немедленно уйти, и давай забудем, что ты сказала.

Но девушка не дала ему закончить, замотала головой.

– Нет. Я это сказала, и я этого хочу. Поэтому я пришла сюда. Пожалуйста, займись со мной любовью.

Джейк немного расслабился, фыркнул и покачал головой.

– Бэннер, золотко мое, не хочется смеяться над тобой, но...

– Не смейся надо мной. – Голос Бэннер дрогнул. – Бог свидетель, все в городе сегодня вечером только этим и занимались.

Улыбка, которую Бэннер ошибочно приняла за насмешку, исчезла с лица Джейка.

– Я никогда бы не стал смеяться над тобой. Но предложение твое, сама понимаешь, смехотворно.

– Почему?

– Почему? – Джейк поморщился. Громкие голоса переполошили лошадей. Он дал им время успокоиться и продолжал хриплым шепотом: – Смешно. Я... мы... ты... ты слишком молода.

– Я достаточно взрослая, чтобы выйти замуж.

– Но не за меня же! Я вдвое старше.

Бэннер отмахнулась от его возражений.

– Эта ночь должна была стать моей брачной ночью, мне предстояло познать любовь мужчины. Но я обманута. Помогите мне. Ты нужен мне. Сделай это для меня.

– Не могу, – отрезал Джейк.

– Можешь.

– Не могу.

– Но ты все время этим занимаешься.

– Не слабо, черт побери, для юной леди!

– Но это правда. Скажешь, нет? Я слышала, как мужчины толкуют о твоих победах.

Джейк строго ткнул Бэннер пальцем.

– Сейчас же замолчи. Я не желаю слышать от тебя такие грязные речи. Ступай спать, а то я тебя отшлепаю...

– Перестань разговаривать со мной как с ребенком!

– Но для меня ты ребенок.

Бэннер сбросила шаль. Она с тихим шорохом упала на сено.

– Посмотри на меня. Я больше не маленькая девочка. Я женщина.

– О Иисусе...

Джейк едва не застонал: перед ним и правда была женщина. Красивая и соблазнительная. Он старался не видеть, изо всех сил старался, но проклятая плоть подвела его. Когда перестала Бэннер быть милой малюткой, дочкой его лучших друзей? Куда делись торчащие коленки и локти, куда делась нескладная долговязая девчонка с растрепанными косичками? Откуда у нее эта мягкая женственность? Когда совершился переход от подростковой худобы к изящной стройности, чувственной округлости форм? Произошли ли эти изменения постепенно, в течение нескольких лет – или за последние две минуты?

Волосы ее темны, как ночь. Мягкие кольца кудрей обрамляют овальное лицо. Можно запустить руки в эти чудесные волосы, утонуть, потеряться в них.

Джейк представил себе, как кудри Бэннер обвиваются вокруг его пальцев, почти ощущал их на лице и губах, животе.

Он уже давно отметил, что Бэннер растет хорошенькой девчушкой. Но сейчас на него смотрела томными глазами, приоткрыв губы, не девочка. Он почувствовал вдруг, что должен насладиться этими губами – или умереть.

Чувственное, воспламеняющее лицо. Оно могло бы принадлежать распутной женщине, понимающей толк в мужчинах, умеющей доводить их до сладостных судорог. Но Бог сыграл с ним жестокую шутку. Оно принадлежит милой, невинной девушке, которую он знает с колыбели.

Слишком ярко светились ее глаза – слишком многих охотников загрязнить ее чистоту могли они привлечь. Ох уж эти глаза, сверкающие из-под черных выгнутых бровей и осененные длинными ресницами, – лучше бы, для ее же блага, они не были такими смелыми, интригующими, зовущими. Ее честность и откровенность – немалая угроза для ее целомудрия. Одного взгляда на чувственный изгиб ее рта мужчине хватило бы, чтоб махнуть рукой на все обязательства, на преданность старой дружбе. Кто устоял бы перед таким соблазном?

Даже веснушки на ее переносице казались вызывающими. А кожа наверняка была нежная, как шелк, и теплая, как парное молоко. Джейк и представить себе не смел, какова она на вкус. От Бэннер пахло так, будто она только что вымылась благоухающим всеми ароматами мылом. Ему хотелось зарыться в нее лицом, как в букет цветов.

Под прозрачной, девственной сорочкой на ней ничего не было. Но даже помыслить о наготы Бэннер Коулмэн – непростительный грех. Без сомнения, Росс убил бы любого, покажись ему только, что тот мечтает о наготы его дочери.

Но разве может полный сил мужчина, который живет и дышит, разве может он не мечтать об этом стройном теле, просвечивающем сквозь складки мягкой материи, разве может он не грезить, как с ним сплетается его собственное тело? Разве может он быть настолько слеп, чтоб не замечать полных грудей, при каждом вздохе приподымающих легкую материю? А темные точки в центре этих упругих холмиков! Проклятие! О ножках Бэннер и темном треугольнике между бедер Джейк не смел думать вовсе, чтобы не обезуметь вконец, не совершить такого, за что его и повесить было бы мало.

Но секрет притягательности Бэннер был не только в соблазнительном теле. Дело в ее характере, в ее пылком нраве. Необузданная и своенравная, она словно бросает вызов, словно ищет кого-то, у кого достанет смелости укротить ее, накинуть на нее сети любви – или покориться, раствориться в ней, сдаться на милость победительницы.

И она, этот крошечный сгусток женственности, приступила к нему и с восхитительным пылом просит взять ее, принять этот бесценный дар.

Но, как бы ни привлекало его подобное предложение, никакие силы на этой грешной земле не заставят Джейка прикоснуться к Бэннер Коулмэн.

Он любил ее, потому что она была той, кем была. Ему и в голову не пришло бы пожертвовать двадцатилетней дружбой ради двадцати минут удовольствия. Он проклинал себя за то, что вчера не трахнул одну из Присциллиных шлюх. Тогда тело бы его не было таким изголодавшимся и легче было бы отказать Бэннер. Только поэтому, убеждал себя Джейк, он позволил своему воображению зайти столь далеко.

Что надо сделать, что ответить – тут нет сомнений. Надо отослать ее. Но бережно, чтобы не пострадала их взаимная привязанность, чтобы не нанести ее гордости нового удара.

– Да, ты женщина, Бэннер. По правде сказать, я поражен: до какой степени женщиной ты стала.

– Тогда займись со мной любовью.

– Нет. От этого только хуже будет. Ты чувствуешь, что тебя отвергли ради другой женщины. Я понимаю, ты в отчаянии. Естественно. Ты ищешь исцеления. Шелдон по-свински обошелся с тобой. Этот сукин сын выбил тебя из седла, ты должна самоутвердиться. Но не таким способом.

– Таким, – упрямо возразила Бэннер.

Джейк покачал головой, шагнул вперед и положил руки ей на плечи. Рискованно, но он должен сделать это. Необходимо доказать себе, что он может спокойно прикасаться к ней, думать о ней, как любящий дядюшка. Да и она должна это знать.

– Хватит, милая. Пожалуйста, ступай домой. Утром ты все увидишь в ином свете. Поверь мне. Мы поедем вместе кататься верхом и...

– Ты не хочешь меня? – вкрадчиво спросила Бэннер. – Я недостаточно привлекательна?

– О... – простонал Джейк, зажмуривая глаза.

– Если бы я была не я, а другая женщина, ты хотел бы меня?

– Но ты – это ты.

– Разве так важно?

– Важно? Мало сказать! Ради бога, ты же Бэннер, дочурка Росса и Лидии. Я помню, как ты родилась.

Сердце девушки тревожно заколотилось. Она положила руку Джейку на грудь, заглянула в лицо.

– Но если бы ты не помнил...

– Но я помню. – Он отпрянул, закрыл лицо руками. Если бы не видеть ее, не чувствовать ее запаха. Если бы органы чувств вдруг отказали ему. Но, напротив, все чувства обострились до крайности.

Джейку всегда было трудно справляться со своими сексуальными желаниями, заставить себя трезво мыслить в подобных ситуациях.

Он был сам себе противен. Как могла вызвать у него возбуждение девочка, которую он, бывало, качал на качелях, а она визжала от восторга? Проклятие. Как, как могло его тело взбунтоваться, разрушив все доводы рассудка и совести?

– Ладно. Тебе нужен мужик сегодня же ночью, – грубо сказал он. – Конечно, я понимаю и сочувствую, но, повторяю, ты не то задумала, этим горю не поможешь. – Он остано-

вился, перевел дыхание. – Клянусь, я не тот, кого ты хочешь. Я бродяга-ковбой, от которого фермеры прячут своих дочек. Я делал и видел такое, что заставило бы тебя содрогнуться. Я скрывался от правосудия. Я бездомный странник, все мое имущество помещается в седельной сумке. Когда у меня оказывается несколько долларов, я трачу их на виски, карты и шлюх. Кстати, у меня их было немало. Мои руки недостаточно чисты для тебя. Подумай хорошенько.

– Я люблю тебя, мне все равно, кто ты и что ты делал. Я всегда любила тебя.

– Я тоже люблю тебя. Но мы совсем о другом говорим. – Джейк хлопнул руками по бокам, показывая, что разговор окончен. – Я не тот мужчина, который нужен тебе сегодня ночью.

– А я не та женщина, – резко сказала Бэннер. – Ты хочешь мою мать.

Джейк круто обернулся.

– Что ты сказала?

Усталая покорность, смирение, отвращение к себе исчезли с его лица. Оно окаменело, глаза под нависшими бровями сверлили Бэннер.

– Я сказала: ты хочешь мою мать, – бестрепетно повторила она. Джейк не отводил взгляд. Тяжелый, гневный взгляд. – Ты любишь ее! – Она вздернула подбородок.

– Несешь сама не знаешь что.

– В душе я, наверное, всегда знала, но только на днях поняла это умом. – Его пронзительные глаза продолжали безжалостно буравить ее. – Думаю, Ма тоже знает. Вот почему она никогда не настаивала, чтоб ты поселился здесь. Вот почему ты никогда не задерживался здесь надолго. Тебе не выдержать, ты не можешь видеть ее и папу вместе.

Лицо Джейка исказилось. По нему прошла рябь – как в раскаленном воздухе прерии засушливым летом.

– Я не встречал человека лучше, чем Росс. Он мой друг.

Бэннер смягчилась, улыбнулась.

– Знаю. Ты, наверное, любишь папу не меньше, чем ее. Но иначе. Не оскорбляй меня, не отрицай, что любишь маму. Я знаю, ты любишь ее.

Джейк опять отвернулся, но не совсем, Бэннер видела его профиль. Он взъерошил волосы, в отчаянии заломил руки. Он выглядел виноватым, опустошенным, сраженным горем.

У Бэннер сердце разрывалось от жалости. Она пошла с козырной карты, и соотношение сил изменилось, но победа не принесла ей радости. Она давно догадывалась о причине добровольного одиночества Джейка. Теперь подозрения ее подтвердились. Она подошла и прижалась к нему, обвив руками его талию, как делала, когда была маленькой. Но какая это была огромная разница! Как прекрасно и удивительно ощущать его тело так близко к своему. Джейк был выше Грейди, крепче, стройнее. Что-то шевельнулось в ней, что-то запретное и чудесное. Запретное и потому еще более чудесное.

– Все в порядке, Джейк. Я не хотела сделать тебе больно. Только мы с твоей матерью догадываемся, а мы никому не скажем. Ты просто ничего не можешь с собой поделать. – Она подняла голову от его груди. – Ты не можешь быть с ней этой ночью, но ты можешь взять меня.

Бэннер откинула волосы с лица, они рассыпались по плечам и спине. Не думая ни о чем, Джейк обнял ее. Он все еще не мог опомниться, так его поразило, что Бэннер догадалась о чувствах, которые он питал к Лидии все эти годы, с того самого дня, когда увидел ее впервые в Теннесси, умиравшую под дождем в лесу.

– Ты одинок, Джейк, ты томишься по женщине, которую любишь много лет. Но она любит другого, принадлежит ему и всегда будет принадлежать. Я готовилась стать женщиной этой ночью. И теперь я сомневаюсь, что когда-нибудь у меня хватит смелости снова

отдать свое сердце мужчине: Грейди так унижил меня! Но мне нужно знать, что я способна вызвать желание. Верни мне веру в себя.

Скользя по лицу Джейка кончиками пальцев, ощупывая каждый бугорок, каждую выступающую косточку, Бэннер удовлетворяла свое любопытство. Она обнаружила, что, как и подозревала, скулы у него очень твердые, а мочки ушей мягкие. Палец опустился к извилистым морщинам в углах его рта.

– Мы оба страдаем из-за других. Давай же утешим друг друга сегодня ночью, давай любить друг друга.

Нежные прикосновения вывели Джейка из забытья. И заставили поверить словам Бэннер. Он обнял ее, притянул ближе, зарылся лицом в волосы, так похожие на волосы Лидии. Она изогнулась, чтоб ему было удобнее, он застонал.

– Мы не можем сделать это...

– Можем.

– Я – последний, кто тебе нужен.

– Ты единственный, кого мне пришлось в голову попросить об этом.

– Ты девственница.

– Да.

– Я сделаю тебе больно.

– Нет.

– После ты будешь горько жалеть.

– Я горько пожалею, если ничего не будет. – Она коснулась губами его шеи у расстегнутого ворота рубашки. Кожа была теплой.

Он вздохнул, легонько сжал ее плечи.

– Это неправильно.

– Как может это быть неправильным? Ты всегда целовал мои царапины и синяки, чтоб они скорей заживали. Поцелуй же меня сейчас, Джейк. Помоги мне справиться с этой ужасной болью. Даже если тебе придется представить, что с тобой не я, а мама.

Она не успела договорить: губы их встретились. Нежно потерлись друг о друга. Дыхания смешались. Нежный лепесток. Но действует как разряд тока. Еще. На этот раз дольше. Прижавшись ртом к ее рту, Джейк застыл.

Бэннер робко обвила руками его шею. Он почувствовал ее соски на своей груди и почти забыл, что торопиться нельзя. Снова жадно, неистово впился в ее губы. Он терзал их, пока они не приоткрылись. И тогда язык Джейка ворвался в ее рот. Бэннер задохнулась, вздрогнула всем телом, выпрямилась и еще теснее прижалась к Джейку, как будто к макушке ее была прикреплена веревочка и кто-то резко дернул за нее.

И от вкуса ее, запаха, нежности он погиб, не в силах ничего изменить.

Еще мгновение – и они упали на приготовленную на сене постель.

– Бэннер, Бэннер... – Дыхание его прервалось. – Останови меня, сам я не могу. Это неправильно.

– Пожалуйста, Джейк. Люби меня.

Он стянул сорочку с ее плеча, коснулся открытым ртом ее шеи. Все возражения, которые выдвигал он в уме, пали, как сбитые мишени в тире. Он просунул руку между их телами и расстегнул брюки.

Обнаженная кожа Бэннер ласкала его, женственность дурманила. Нежная плоть раскрывалась ему навстречу, подобно дороге в ад, высланной шелком.

– Боже, Боже мой, помоги мне, не дай мне совершить это, – молился он.

Но у Господа Бога, видно, были другие дела, и он не услышал пылкой молитвы Джейка Лэнгстона.

Он лежал на спине, глядя на балки и слушая ее тихий плач. Потом повернул голову, положил руку ей на плечо.

– Бэннер...

Слова застряли в горле. Бэннер лежала на боку, отвернувшись. От прикосновения Джейка она сжалась в комок, а лицо закрыла руками, как будто хотела спрятаться.

Джейк сел, посмотрел на нее через плечо и обругал себя последними словами, всеми бранными словами, которые только мог придумать. Затем поднялся, застегнул брюки и крадучись вышел из конюшни, давая Бэннер возможность побыть одной. Он знал – ей это необходимо

Она услышала, как он вышел, перевернулась на спину и стала тереть глаза, пока они не заболели. Потом начала медленно садиться: сначала оперлась на локти, передохнула и наконец села окончательно.

Трясущимися руками пригладила волосы. В них запутались соломинки. Подобрала шаль, встряхнула и завернулась в нее, потом с трудом встала. Зажала рот рукой, чтобы не разрыдаться вновь при виде кровавого пятна на одеяле. От горького разочарования, унижения у нее кружилась голова, и на мгновение ей пришлось прислониться к стенке стойла. А потом начался долгий путь из конюшни.

Прохладный воздух освежил лихорадочно горящие щеки Бэннер, но облегчение было кратковременным. Краешком глаза она заметила какое-то движение в темноте и посмотрела в том направлении. Джейк стоял в тени, прислонившись к стене конюшни. Увидев ее, он сразу же оттолкнулся от стены, неуверенно шагнул вперед.

– Бэннер?

Он с несчастным видом заглянул ей в лицо, казавшееся при тусклом лунном свете еще более расстроенным, чем на самом деле, и увидел, какие у нее затравленные глаза, полные застывших слез. Но мокрые следы на бледных щеках свидетельствовали, что слез так много, что сдерживать их не удастся. Губы у Бэннер были искусанные, опухшие. Своими преступными руками он растрепал ее волосы. Она жалко куталась в шаль, как будто боялась, что он может сорвать с нее одежду и взять снова. Отвернувшись от него, она побежала к дому и скрылась за дверью.

Джейк сполз по стене на землю, несколько раз стукнулся затылком о побеленные доски, поднял к небу искаженное лицо.

– Дерьмо!

4

Бэннер думала, что пережила накануне худший день в своей жизни. Но она ошиблась. Сегодня было хуже. Вчера она презирала Грейди Шелдона, сегодня самое себя – за то непростительное, что совершила прошедшей ночью.

Она лежала в кровати, скорчившись, прижав колени к груди, хотя поза была неудобная, а внутри все мучительно болело. Что толкнуло ее на это? Она надеялась при помощи столь сильнодействующего средства спастись от отчаяния. Джейк оказался прав. К отчаянию прибавился стыд.

Джейк, Джейк, Джейк. Что он думает обо мне?

Он всегда преклонялся перед Лидией, возводил ее на пьедестал, ставил выше других женщин. Бэннер догадывалась, чувствовала, что потому он и не женился и никогда не сблизился ни с одной порядочной женщиной, на которой мог бы жениться. Его связи со шлюхами не были изменой Лидии – сердце его в них не участвовало. Он разрешал себе утолять жажду плоти, но душой оставался предан Лидии.

Джейк любил Бэннер, потому что она была дочерью Лидии. Но теперь он знает, что она не лучше Ванды Бернс. Она навязалась ему, уговорила заняться с ней любовью. Как он удивился, когда она подошла к нему, его изумленное лицо и сейчас стоит у нее перед глазами. Ее бесстыдство поразило его, наверное, ему было противно. Если не тогда, то потом уж точно. Потом, когда...

Нет, Бэннер не могла думать о том, что случилось потом. Ей было слишком стыдно.

Она не могла вспоминать о тех бесконечных, наполненных чем-то невероятным, невозможным минутах. Она похоронила их в глубине памяти. Но она помнила, как откатилась от Джейка, пытаясь спрятать от него лицо и преступное тело. Своим поведением она уничтожила привязанность, которую он прежде питал к ней, она потеряла для него всякую привлекательность. Теперь она для него не лучше шлюхи. Просто одна из его длинного списка. После того, что натворила, она большего и не стоит.

– Дорогая?

Бэннер быстро села, вытерла слезы, поспешно поправила волосы, провела рукой по груди. Изменилась ли она? А вдруг мама догадается?

Она выпрыгнула из кровати, накинула халат, как будто ночная сорочка могла выдать ее.

– Да, мама?

Лидия открыла дверь и вошла в комнату. С великой заботой устраивала она это гнездышко для дочери. В комнате было все, о чем Лидия мечтала и чего была лишена в юности.

Железная кровать выкрашена в девственно-белый цвет. Лидия и Ма провели долгие часы, вышивая стеганое одеяло для постели. На окнах красуются кружевные белые полупрозрачные занавески. Лари под окнами наполнены сшитыми из кусочков ткани и набитыми гусиным пухом подушками. Пол застелен лоскутными ковриками. Всюду чувствуется любящая рука. Такому сорванцу, как Бэннер, женственность обстановки оказалась весьма на пользу.

Лидия озабоченно сдвинула брови. Бэннер стояла у окна. Держалась она гордо, но Лидия сразу поняла, что большую часть ночи дочь проплакала.

Она прикрыла за собой дверь.

– Мы беспокоимся о тебе. Ладно, ты не спустилась к завтраку. Но скоро полдень. Ты придешь обедать или принести поднос сюда?

Нежная заботливость матери вновь вызвала слезы, но Бэннер изо всех сил постаралась удержать их. Что подумали бы родители, увидев ее с Джейком? Стыд жег ее.

– Спасибо, мама, но мне в самом деле не хочется есть. Я, наверное, побуду сегодня в комнате.

Лидия сжала руку дочери.

– Ты спускалась к нам вчера вечером. Разве было плохо?

Она надеялась, что Бэннер вернется к жизни, вновь заберется в седло, как ковбой, которого сбросила необъезженная лошадь.

– Нет, – уклончиво ответила Бэннер, – но сегодня мне нужно подумать, что я собираюсь делать дальше.

Лидия взяла дочь за плечи, притянула к себе, потрепала по волосам.

– Вчера я не стала бы говорить это. Рана твоя была слишком свежа. Но сейчас я хочу тебе кое-что сказать и хочу, чтобы ты правильно поняла меня. – Она помедлила минутку, тщательно подыскивая слова. – Я рада, что ты не вышла замуж за Грейди.

Бэннер отодвинулась немного, чтобы лучше видеть лицо матери.

– Почему? Мне казалось, он нравился тебе.

– Нравился. Очень нравился. Я всегда считала его безупречным молодым человеком. – Янтарные глаза Лидии потемнели. – Может быть, поэтому. Я не доверяю мужчинам, у которых нет недостатков, на чьей репутации нет ни одного пятнышка.

Бэннер рассмеялась, позабыв о своем несчастье.

– Мама, ты удивительная! Любая другая мать была бы в восторге, что ее дочь выходит за столь прекрасного молодого человека.

– Не то чтоб я возражала. Но мне казалось, что он какой-то незначительный. Жидковат, что ли, во всяком случае для тебя.

Лидии не очень нравилось, что Грейди так мягок с Бэннер. У него недостаточно сильный характер, недостаточно, чтобы управиться с ее дочерью. Она опасалась, что со временем Бэннер заскучает, а что может быть губительнее для брака?

Они с Россом ссорились, любили, смеялись. Скуке не было места в их жизни, и Лидии хотелось, чтоб и ее дочь избежала этой напасти.

Она нежно коснулась щеки Бэннер.

– Я уверена, ты найдешь кого-нибудь получше. Уверена, прекраснейший мужчина на свете ждет тебя. До встречи с Россом я думала, что жизнь моя кончена. И он чувствовал то же самое, когда Виктория умерла и он остался с новорожденным младенцем на руках. Мы и представить себе не могли, что судьба даст нам второй шанс, представить не могли, какая чудесная жизнь нам предстоит.

У Бэннер стоял ком в горле. Она обняла мать, чтобы та не смогла всмотреться в нее, не узнала бы о ее вине. Если правда, что самый замечательный мужчина где-то ждет ее, – теперь он ее не дождет. Она опорочена. Не Джейком, нет. Она сама сделала это.

Джейк – мужчина. Настоящий мужчина. Если она и питала сомнения на этот счет, сегодня ночью они развеялись. Она до того довела его – и святой бы не устоял. В случившемся нет его вины. Она рада была бы свалить на него часть своей ноши, но не могла. Она не лгунья, хоть этого у нее никто не отнимет. Она получила то, о чем просила. В точности. И расплачиваться придется ей.

– Мы с Россом переговорили, – начала Лидия. – Мы думаем, может, тебе уехать на время. Попутешествовать немного. Куда-нибудь в интересное место. Сент-Луис, Новый Орлеан, все, что...

– Нет, мама. – Бэннер покачала головой. – Это не для меня. Я не буду ни убегать, ни прятаться. Виноват Грейди, а не я. Я не позволю ему разлучить меня с родным домом и с людьми, которых я люблю. – Она вздрогнула, глубоко вздохнула. – Я хочу хозяйничать на своей земле, хочу переехать на тот берег, на свое ранчо – как и собиралась.

Лидия от изумления лишилась дара речи.

– Но, дорогая, ты собиралась туда с Грейди, после свадьбы. Одной женщине там не справиться.

– Справлюсь, – убежденно возразила Бэннер. Этим утром она обдумала все и поняла, что работа для нее сейчас единственный выход, она изнурит себя работой, вложит все силы – физические и душевные – в дело, которое поможет ей вернуть самоуважение. – Я должна, мама. Ты понимаешь, правда ведь?

Лидия посмотрела на решительное личико дочери, вздохнула.

– Я-то понимаю, но не уверена, что поймет отец.

Бэннер сжала руки Лидии.

– Убеди его, мама. Я не могу сидеть здесь, бездельничать и ждать нового кавалера. Это все в прошлом. Я вовсе не хочу этого. Если я ничего не буду делать, то останусь просто беденькой, невезучей дочкой Лидии и Росса Коулмэнов, свадьба которой расстроилась, – я зачахну, умру. Мне *необходимо* сделать это.

– Я поговорю с Россом, – успокаивающе заверила дочь Лидия. – А ты отдохни. Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? Что-то ты бледная.

– Ничего, мама. Я в порядке. Но передай папе, что я сказала. Мне безумно этого хочется. Чем скорее я возьмусь за дело, тем лучше.

Лидия поцеловала Бэннер.

– Посмотрим, сделаю, что смогу. И все-таки подумай, не принимай поспешных решений.

Ах, почему мама не предостерегла ее раньше, до вчерашней ночи?! Но последовала бы она ее совету? Честно говоря, Бэннер сомневалась в этом.

– Я знаю, что делаю, мама, – мягко сказала она, надеясь, что говорит правду.

– Боюсь, не слишком ли ты сурова к себе? Разбитому сердцу нужно время, чтобы оправиться.

Лидия имела в виду Грейди. Но после событий прошедшей ночи случившееся в церкви казалось далеким, словно покрытым туманной дымкой. По сравнению с тем, что произошло между ней и Джейком, двуличность Грейди не имела значения.

Лидия вышла. Бэннер подошла к туалетному столику, сняла халат, сорочка скользнула на пол. Она прополоскала ее в холодной воде, умылась, приложила влажную материю к горящим воспаленным глазам. Хватит, больше откладывать нельзя. Бэннер подошла к зеркалу. Как странно, она не изменилась, а ей казалось, что от нее прежней не осталось и следа. Как будто внутри все перевернули, перепутали, а потом вложили в прежнюю оболочку. Но прежнего ничего нет.

Поколебавшись, она прикоснулась к губам, представила, как Джейк в первый раз прижался к ним своими губами. Потрогала шею. Синяк такой незаметный, что даже мама не обратила на него внимания. Стоило Бэннер увидеть его – и нахлынули воспоминания, прилетели, примчались, забили крыльями, быстрые, как колибри.

Это невозможно. Тут какая-то ошибка. Джейк не трогал ее, не целовал, не овладел ею. Нет.

Но тело говорило правду. И не надо обманывать себя. Закрывая глаза, она до сих пор чувствовала его глубоко внутри, чувствовала его дыхание, опаляющее кожу, его губы на своих губах, сладостную истому, покорность. Пусть она изо всех сил пытается забыть. Ничего не выйдет. Неважно, как сильно хочется ей преградить дорогу воспоминаниям. Огонь, закипевший в крови, не позволит ей забыть.

– Привет, Джейк.

Он вошел во флигель и направился прямо к плите, на которой стоял чудовищного вида полный горячий кофейник.

– Ну? – проворчал он, наливая себе крепкого кофе в фаянсовую чашку.

– Росс хочет тебя видеть сразу, как позавтракаешь, – объяснил один из ковбоев. – Просил передать.

Джейк не донес чашку до рта.

– Сказал, чего хочет?

– Не-е.

– Спасибо.

Джейк не удивился бы, если б сегодня утром его встретило дуло пистолета Росса. Конечно, как только ему станет известно, что произошло этой ночью в конюшне, он убьет его, выстрелит в спину и каяться потом не будет.

Как-то, несколько лет назад, Ли подслушал замечание одного из ковбоев, что Бэннер, мол, становится весьма аппетитной. Ли вступился за честь сестры, и началась потасовка. Росс разнял дерущихся, заставил парня повторить непочтительное замечание и так расви-репел, что, не отгащи его Джейк, забил бы юнца до смерти.

Никто из женщин не узнал об этом происшествии, но ковбои никогда не забывали о нем. Они и раньше уважали Росса как хозяина и как мужчину и отлично знали, что ему лучше под горячую руку не попадаться. Но после того случая они зареклись смотреть в сторону Бэннер, как бы ни тянуло взглянуть хоть краешком глаза. Новичков же заблаговременно предупреждали, что дочка хозяина – табу и упаси Господь тронуть ее.

Джейк уселся на скамью, отхлебнул обжигающего кофе. Повар предложил ему лепешки и грудинки, но он покачал головой.

Нет, Росс не знал о прошлой ночи. Если б знал, Джейка уже не было бы в живых. Если бы он знал о том, что случилось с Бэннер, он бы пришел в ярость, и даже их давняя дружба не спасла бы Джейка.

Проклятие, как взглянет он в лицо Россу? Как? Как вообще смотреть в лицо другу, когда только что изнасиловал его дочь?

Он осквернил ее, милую малютку Бэннер.

Джейк чувствовал такое отвращение к себе, что даже кофе казался противным.

– Мы слышали, ты приехал из Форт-Уэрта, Джейк?

– Ну да, – коротко бросил он в ответ.

– Побывал в Квартале красных фонарей? – спросил другой ковбой, совсем зеленый юнец.

Ли и Мика создали Джейку особую репутацию среди ковбоев Излучины, и те превратили его в живую легенду. Многие из них были слишком молоды, чтобы участвовать в дальних перегонах, и благоговели перед старшими, которые успели поездить и которым было что рассказать.

– Зашел ненадолго.

– И как там?

– Шумно.

– Ну да? А в «Райских куцах» был? Я слышал, мадам Присцилла набрала самых классных шлюх со всего штата. Говорят, некоторых в Новом Орлеане обучали, правда это?

– В Новом Орлеане? – Джейк усмехнулся такой доверчивости. Но пусть тешатся, какой смысл разубеждать их? – Что ж, полагаю, некоторые прямо оттуда.

– Перетрахал их небось?

– Черт возьми, еще бы, – восторженно заметил юнец. – Хоть одну-то наверняка трахнул. Джейк для них все равно что валерьянка для кошек. Я что слышал – он уж уйдет, а мадам Присцилла все никак не может успокоить своих кисок: хихикают, облизываются, будто сметаны наелись.

За столом захохотали. Джейк только плечами пожал и налил себе еще кофе. Он не очень-то гордился репутацией покорителя женских сердец, хотя сделал все, чтобы завоевать ее. Он привык, что его поддразнивают за удал в постельных приключениях.

Но сегодня утром ему было не до шуток: слишком волновал его предстоящий разговор с Россом. Ковбоям нередко приходилось месяцами обходиться без женского общества, поэтому они любили потолковать о сексе или пожаловаться на одиночество. Не было такой грязной истории, которой Джейк не слышал бы, такой непристойной шутки, которой не повторял бы у костра в лагере. Они больше не производили на него впечатления, но парням помолоче хотелось все принимать за чистую монету, всему верить.

Джейк задумался, пропуская мимо ушей добродушные подначки и преувеличенные комплименты. Но вот кто-то спросил:

– Ну а прошлой ночью как, Джейк? Что-то ты к нам не приходил. Протащил бабу к себе в конюшню?

Джейк молниеносно вскочил со скамьи, выхватил пистолет из кобуры – у ковбоев смех застрял в горле. Сунул револьвер под нос злополучному парню и процедил:

– Ты на что намекаешь?

Парень в штаны наложил со страху. Он слышал, что Джейк Лэнгстон кажется веселым и беспечным, только когда сам хочет, а вообще-то с ним шутить все равно что с гремучей змеей связываться. Теперь он видел, что слухи эти были чистой правдой, и жалел, что не жевал себе спокойно лепешки, а болтал глупости, которые могут стоить ему жизни.

– Н-ничего, Джейк, ни на что, ей-богу, я просто так, посмеяться хотел.

Джейк умел различать, когда человек врет, а когда говорит правду. Он вдруг смутился, что вышел из себя, схватился за револьвер. Конечно, если б ковбой хоть пикнул, что видел входившую в конюшню Бэннер, Джейк пристрелил бы его на месте, не позволил бы бросить тень на ее доброе имя.

Он снял палец с курка и засунул пистолет в кобуру.

– Извиняюсь. Я сегодня что-то не в шутиливом настроении.

Он криво усмехнулся, но прежнего беззаботного веселья за столом как не бывало. Люди постепенно относили тарелки повару, ведавшему кухней во флигеле, разбирали шляпы, перчатки, хлысты и расходились на дневную работу.

Джейк выпил еще чашку. Дальше откладывать нельзя. Обычной своей легкой походкой он направился к дому. Анабет с Лидией сидели на крыльце – присматривали за играющими во дворе маленькими Драммондами.

– Утро доброе, – сдержанно приветствовал их Джейк.

– Привет, Бубба, – отозвалась Анабет.

Лидия улыбнулась.

– Доброе утро. Мы напрасно прождали тебя к завтраку.

– Прогуливал Бурана. У него еще не в порядке копыто.

– Ты поел?

Джейк кивнул, хотя это было неправдой.

– С ковбоями во флигеле. А где все?

– Гектор помогает Ма делать пугало, – с улыбкой ответила Анабет, – хотят поставить его в кукурузу. Детей оно уже напугало, поэтому я взяла их сюда. Мэринелл, как всегда, занимается.

Джейк безучастно слушал, глаза его блуждали по двору, по играющим в чехарду детям.

– Как... как Бэннер?

Абсолютно законный вопрос. Со вчерашнего дня все беспокоились о ней. Ни сестру, ни Лидию он не удивил бы, если бы не напряжение в голосе Джейка.

– Я недавно заходила проведать ее, – ответила Лидия. – Глаза опухшие. Проплакала, должно быть, всю ночь. – Она наблюдала за младшим Драммондом, пытавшимся вскарабкаться на спину сестре, и не заметила, как горестно скривился рот Джейка. – Мы поговорили. Думаю, со временем она оправится.

Раскаяние, угрызения совести не отпускали Джейка ни на минуту. От несчастья с Шелдоном Бэннер может оправиться. Но оправится ли она от того, что случилось ночью? Нет. Это так просто не пройдет. Причиненный им вред непоправим.

– Росс дома? Мне передали, он хотел видеть меня.

– Да-да, хотел. – Глаза Лидии вдруг блеснули. – Он в кабинете.

Джейк приподнял шляпу, неторопливо прошел мимо женщин и скрылся за дверью.

– Я волнуюсь за него, – заговорила Анабет, когда Джейк уже не мог их слышать.

– Волнуешься? Почему?

– С тех пор как умер Па и Джейк ушел от нас и нанялся пасти скот, он стал какой-то странный. Посмотри, разве это жизнь? Кочует с места на место, и никаких надежд на будущее. Ему бы жениться, осесть где-нибудь, завести детей, перестать скитаться. Он же взрослый человек. Пора ему и вести себя соответственно.

– Ма тоже беспокоится за него, – заметила Лидия. – И я.

– Знаешь что, – продолжала Анабет, – думаю, он так и не опомнился после убийства Люка. Конечно, это звучит дико, ведь прошло почти двадцать лет, но он так и не стал прежним. Может, если б удалось найти убийцу, если б свершилось правосудие – тогда ему было бы не так тяжело.

Лидия опустила глаза. Джейк знал, кто убил Люка. То был ее сводный брат Клэнси Рассел. И приговор над ним был приведен в исполнение. Смертный приговор. Джейку было шестнадцать лет, когда он отомстил за брата. Вот почему убийцу найти не удалось.

Лидия и Джейк – больше никто в мире не знал этой тайны. Она связала их навеки.

Джейк прошел по темному коридору в заднюю часть дома и постучал по дверному косяку. Он чувствовал себя неловко – как в первый раз при встрече с Россом. Прошли года, Джейк стал мужчиной, разница в возрасте теперь была почти незаметна. Но сейчас он дрожал, как мальчишка, который боится получить взбучку.

– Росс?

Темноволосая голова приподнялась над столом. Росс изучал лежавшие перед ним бумаги.

– Заходи, садись. Спасибо, что пришел. Я тебя ни от чего не оторвал?

– Нет. – Джейк сел напротив, положил ногу на ногу, пытаясь держаться непринужденно. Бросил шляпу на кожаный диван у стены. – Я собираюсь провести день с Ма.

– Правильно, – важно одобрил Росс. – Ей тебя не хватает.

– Да, знаю. – Джейк вздохнул.

Не очень-то это было красиво с его стороны – уехать сразу после смерти Па. Но он больше не мог выносить жизнь фермера. Потуги получить приличный урожай с каменистой земли сводили его с ума. Он пытался уговорить родителей заняться разведением коров, но они всю жизнь проработали на земле и не умели ничего другого, так что переубедить их не удалось.

Джейк чувствовал, что виноват перед матерью. Он был старшим сыном, а значит, в ответе за всю семью. С каждой полочки он посылал домой деньги, но ведь Ма нужен он сам, а не его деньги.

Он был не прав перед ней. А сейчас он встретился глазами с человеком, перед которым был не прав куда больше.

– Ты зачем хотел меня видеть?

– Как всегда. Как всякий раз, когда ты приезжаешь в Излучину. Насчет работы.

– И ответ как всегда. Нет.

– Почему?

Джейк беспокойно заерзал на месте. Раньше причиной была Лидия. Вчера ночью Бэннер попала в самую точку. Он не мог подолгу задерживаться в Излучине, потому что слишком любил Лидию. Рано или поздно это обнаружилось бы, и пошла бы прахом его дружба – и с ней, и с Россом. Не имело смысла рисковать. Но теперь причина иная: он никогда не сможет взглянуть в лицо Бэннер.

Он кругом виноват. Правда, она сама пришла, правда, она соблазнила его. А он поддался. И, честно говоря, без особых усилий с ее стороны. Накинулся на нее, сильный, распаленный, изголодавшийся.

Хотя он старше и лучше понимал, что к чему. Бедная девочка страдала, сердце ее было разбито, она нуждалась в поддержке и утешении. Она искала не того, о чем просила. И все же, понимая это, понимая, что жертвует дружбой с Коулмэнами, он взял ее.

Господи, как она, наверное, презирает его. Когда все было кончено, она с ужасом отшатнулась. Ей трудно было смотреть на него, и взгляд ее был взглядом затравленного зверька. Как мог он так грубо обойтись с ней! Может, ей до сих пор больно? Неужели не мог он быть понежней? Нет, нет, конечно, мог. А еще считается королем всех борделей в штате. Набросился как дикарь, забыв, что она девственница.

Проклятие! Бэннер, наверное, считает его животным. Чем скорее он исчезнет из ее жизни, тем лучше. Вот только побудет немного с Ма и уберется отсюда. Сегодня же, если Буря осилит.

– Я не могу остаться, – отрезал он.

– Давай обсудим, прежде чем ты дашь окончательный ответ.

– О тебе же забочусь. Ты свое время теряешь, не мое.

– Кофе?

– Нет, спасибо.

– Виски?

– Нет. – Джейк усмехнулся. – Ты что, подкупить меня пытаешься?

Росс улыбнулся в ответ:

– Если это заставит тебя остаться. Ты знаешь, я хотел, чтобы мы работали вместе, с тех пор как наш обоз распался и мы разделили компанию в Джефферсоне.

– Тогда это было невозможно из-за моих стариков. Невозможно и теперь.

– Но почему, черт возьми? – Росс стукнул по столу кулаком. – У тебя другое что на примете? Но ты ведь покончил с работой в Западной Виргинии?

– Верно.

– Так что же? Что ты собираешься делать?

– Подыщу еще что-нибудь.

– Зачем? Я же тебе предлагаю работу прямо здесь. Чертовски хорошую работу.

Росс поднялся, обошел вокруг стола. Не считая серебряных нитей в темной шевелюре, он был все тот же, человек, которым Джейк всегда восхищался. Джейка опять затошнило от отвращения к себе. Знай Росс, что случилось с его дочерью, он бы не уговаривал его остаться. Он бы его в землю живым закопал.

– Я хочу сделать тебя управляющим на ранчо Бэннер, на том берегу.

Голова Джейка при звуке произнесенного имени от неожиданности мотнулась в сторону. Он перебил:

– Ранчо Бэннер? Какое ранчо?

Внезапный интерес Джейка ободрил Росса.

– Несколько лет назад я приобрел для них, для Бэннер и Ли, землю на той стороне. Я покупал участки по дешевке, участок здесь, участок там. В основном они не обработаны.

Часть Бэннер я собирался выделить в качестве свадебного подарка. – Взгляд зеленых глаз стал жестким, тяжелым. – Понимаешь теперь, как мне хотелось вчера убить этого ублюдка.

– Понимаю. Я чувствовал то же.

Джейку случалось видеть Росса в бешенстве. Он знал достаточно о его прошлом, чтобы не сомневаться: Росс может быть смертоносным, да – смертоносным в буквальном смысле слова. Джейк знал, что Росс способен на убийство, и следует благодарить providение: не иначе оно смилостивилось и не позволило ему убить Шелдона. Ничего, кроме новых тяжелых испытаний, это не принесло бы семье Коулмэнов.

– Я убью любого, кто посмеет обидеть Бэннер, – проговорил Росс. – Шелдон не вполне меня устраивал, не совсем таким я хотел видеть своего зятя, но я воображал, что всякий отец считает, что нет в мире мужчины, достойного его дочери. Против Шелдона возразить было нечего. Я думал, он надежный парень. Кроме того, Бэннер подрастала, на нее стали заглядываться, я боялся, что появится какой-нибудь заезжий забулдыга-ковбой и она потереет голову...

– Конечно, ты прав, это могло случиться.

– Он женится на ней, наградит кучей ребятишек и оставит в нищете, а сам будет транжирить мои денежки на девок, карты и выпивку.

Джейк мрачно улыбнулся.

– А у Шелдона как-никак свое дело, положение в обществе. Я думал, он человек приличный. – Росс грязно выругался. – Только одно и доказал, что в людях я ни черта не смыслю. Так или иначе, – продолжал он, запуская пальцы в волосы, как будто старался вырвать из головы мысли о неудавшемся женихе, – мы построили на этой земле небольшой домик, чтобы им с Грейди было где жить. Бэннер уже говорила ему, что не хочет переезжать в город. А сейчас Лидия передала мне, что Бэннер все равно хочет перебраться туда и начать хозяйничать на ранчо, как и собиралась. Без Грейди. Совсем одна.

Джейк выслушал Росса и честно ответил:

– Это безумие.

Росс только заворчал в ответ: он ли, мол, не объяснял Бэннер, что это невозможно.

– Я обещал ей жеребца и пару кобыл для начала, но она хочет разводить коров – там есть несколько небольших пастбищ с хорошей травой.

– Какого черта, что она понимает в коровах?

– Не ахти как много. И я не больше, разве что в бифштексах. – Росс сверлил Джейка взглядом. – Но ты понимаешь. Недурная земелька. Пальчики оближешь.

В любое другое время Джейк ухватился бы за такую возможность. Он был бы полным хозяином, он управлял бы ранчо как считает нужным. Боже, какое искушение. Спелое яблочко само просится в руки, предлагает сорвать его. Но принять предложение немислимо, тут и раздумывать нечего.

Он встал, подошел к окну, заложил большие пальцы в карманы джинсов.

– Извини, Росс, не могу.

– Разрази тебя гром! Назови хоть одну причину.

– Бэннер, – произнес Джейк, оборачиваясь.

Она бы такой шум подняла, доведись ей услышать их спор. Джейк был уверен: Бэннер никогда не захочет ни видеть его, ни слышать о нем, а тем более не захочет, чтобы ее соблазнитель управлял ее же ранчо.

– Бэннер захочет нанять собственного управляющего. Она наверняка захочет сама распорядиться.

Росс добродушно посмеивался.

– Согласен. Но решать-то мне. С этим ей придется считаться. Я не думал, что ей сразу после всего случившегося приспичит играть в ранчо. Но Лидия говорит, она уперлась

намертво: хочу переезжать, и все тут. Но, – он поднял указательный палец, – она глупее, чем я думал, если воображает, что я позволю ей жить там одной и самой управлять ранчо. Во-первых, это физически невозможно. Бэннер – крепкая девчушка, но ей не справиться со всей необходимой работой. Ни одной женщине такого не потянуть.

– Найми работников.

Темные брови Росса поползли вверх.

– Ковбоев, которым не терпится наложить лапы на мою дочь? – Джейк быстро повернулся к окну. – Ага. Сказал тоже. Как прослышат о вчерашнем, сплетням конца не будет. Тебе ли не знать, мужики стесняться не станут. Они решат, что это Бэннер так распалила беднягу Шелдона, что он на любую готов был кинуться, на любую шлюху, вроде той суки Бернс.

– Она красивая девушка, Росс, – тихо сказал Джейк. – Может, они и правы.

– Может, и правы, – огрызнулся Росс. – Но мы с Лидией на ее стороне. Убежден, не она заставила его совершить подлость. И будь у него хоть капля характера... Во всяком случае, я не хочу, чтоб кобели-ковбои толпами являлись к девочке на ранчо якобы искать работу, а на самом деле поглазеть на нее. Эта горе-свадьба ей даром не пройдет. Лидия и я тоже ужасно беспокоимся. Она может наделать глупостей прямо сейчас. Она на что угодно пойдет, только бы самоутвердиться. Какой-нибудь проходимец прискачет сюда и воспользуется ее разбитым сердцем. Я, конечно, пристрелю его, но это доконает Бэннер.

Родители и впрямь хорошо знали свою дочь. Джейк сжал лежавшие на подоконнике руки в кулаки. Ему хотелось разбить стекло, причинить себе боль, наказать себя по заслугам. Во рту было горько, как будто он желчи напился. Ощущение вины не покидало его, разъедало душу, как раковая опухоль разъедает внутренности. Он чувствовал, что заболевает от этого.

Сам того не желая, Росс добил его.

– Ты единственный, кому мы можем доверить дочь. Ради нас, пожалуйста, соглашайся. Это будет хорошо и для Бэннера, и для тебя.

Джейк зажмурил глаза. Он бы с удовольствием заткнул уши. Наконец он медленно повернулся и уставился в пол на свои сапоги. Немало времени прошло, прежде чем он ответил:

– Не могу, Росс. Извини.

– Сто пятьдесят долларов в месяц.

Целое состояние.

– Дело не в деньгах.

– В чем же?

– Не усидеть мне на месте. Я – бродяга.

– Дерьмовая отговорка.

Джейк невесело усмехнулся.

– Может, и так. Но ты ведь не захочешь, чтоб такой дерьмовый ковбойшка управлял ранчо Бэннер.

– Ну, не такое уж ты дерьмо, ты, черт возьми, отличный наездник, лучше не бывает. Не считая меня, конечно. – Росс хвастливо улыбнулся, потом посерьезнел вновь. – Ты не переменишь решения? – Джейк покачал головой. – Подумай, по крайней мере, пока ты здесь.

Джейк взял шляпу и направился к двери. Но открыть ее не успел, Росс окликнул его:

– Послушай!

– Да?

– Ты можешь заставить сдать меня, но не Лидию. А ты знаешь, коли она что забьет себе в голову – только держись.

Она нашла его днем на берегу реки. Джейк ловил рыбу. Она молча опустилась рядом на траву.

– Поймал что-нибудь?

Она и так видела, что не поймал. Видела, что и не пытается.

– Просто случайно проходила мимо? – поинтересовался Джейк. В зубах он сжимал сигару. До дому было не больше километра.

Лидия улыбнулась в ответ. Она выглядела в точности как двадцатилетняя девушка, покоровшая его юное сердце.

– Ма сказала мне, где ты.

– А она откуда знает? Поразительно, как она ухитряется вычислить меня, как раз когда мне этого не хочется. Однажды она застукала меня с Присциллой Уоткинс у ручья, мне тогда было лет шестнадцать, так я думал, она мне весь чуб выдерет. – Джейк выпустил клуб дыма. – Теперь мне тридцать шесть, а она все суется в мои дела.

– Она любит тебя.

– Знаю. – Лицо Джейка омрачилось. – Это-то и плохо, черт возьми. Я вот обедал у нее. Все мы там собрались. Анабет со своим выводком, Мэринелл, Мика. Но так многих не доставало. Па, Атланты и Сэмюэля, Люка. – Он задумчиво уставился на воду. – Знаешь, мне до сих пор не хватает его.

Лидия погладила Джейка по руке.

– Тебе всегда будет не хватать его, Бубба.

Он покачал головой, негромко рассмеялся.

– Столько времени прошло. Но иногда мне чудится его смех. Поверишь ли, на чем я ловлю себя? Оборачиваюсь и смотрю, где он.

– Мне так же не хватает старого Мозеса.

После того как путешествие закончилось и обоз распался, негр делил с ними все тяготы и испытания. Бывший его хозяин, Уинстон Хилл, погиб, и ему некуда было податься.

Мозес стал другом и защитником Лидии в те первые, полные мучительной неловкости недели брака с Россом. Когда же они обосновались на ранчо и дел стало по горло – Росс строил первую конюшню, а Ли оказался целиком на Лидии, – помощь Мозеса просто спасала ее. Она и сейчас считала его одним из самых близких своих друзей.

– В день похорон Мозеса я вспомнила, как он принес тело Люка к повозкам. Как он плакал! И так же было, когда убили Уинстона. Я никогда больше не видела человека столь же способного сострадать чужому горю.

Джейк накрыл руку Лидии своей.

– То лето всех нас изменило, так ведь?

– Росса и меня безусловно. – Лидия внимательно посмотрела на профиль Джейка. Его мужественность все еще не перестала удивлять ее. Каждый раз ей казалось, что она увидит светловолосого мальчугана с круглыми синими глазами, который когда-то нашел ее в лесу. – Я думаю, больше всего оно изменило тебя, Джейк.

Он не мог не согласиться. Те несколько месяцев в обозе принесли столько горя, сколько иному не выпадает за всю жизнь. Буббе Лэнгстону пришлось быстро повзрослеть, так быстро, что это не могло не наложить отпечатка на его будущее.

Лидия приподнялась, обернула юбку вокруг ног, уткнулась подбородком в колени.

– Я говорила с Россом.

– И он передал тебе мой ответ.

– Я рассчитываю, что ты изменишь решение.

– Не рассчитывай, Лидия. Не рассчитывай на меня ни в чем.

– Я рассчитываю на твою дружбу.

– Ну да, но...

– Ты нам нужен сейчас. Помогите выволить Бэннер из этой передраги.

– Я не подходящий человек для этого.

– Подходящий. Из тебя получится хороший управляющий. У тебя есть опыт.

– Я не о работе. Дело... дело в Бэннер.

Лидия рассмеялась.

– Положим, с ней порой нелегко справиться. Она своенравная, порывистая и непостоянная. Конечно, она уже не маленькая, но мы с Россом не можем безучастно смотреть, как она делает глупости, о которых будет жалеть всю жизнь.

– Я не полицейский, – огрызнулся Джейк.

– Мы и не просим тебя быть полицейским. Мы надеемся, что ты будешь для нее тем, чем и был всегда, – другом и союзником. Мы доверяем тебе.

Силы небесные! Только бы они перестали повторять это! Он вновь почувствовал себя грешником в аду. Неужели необходимо каждую минуту напоминать о его предательстве?

– Найдете кого-нибудь. Такого же опытного и наверняка куда более достойного доверия. Не горит ведь, она не должна переезжать прямо сейчас.

– Ты не понимаешь. Росс разрешит ей взяться за это, только если ты останешься и будешь управлять ранчо.

Белокурая голова Джейка повернулась к Лидии.

– Несправедливо. За мое решение он накажет Бэннер.

– Таково его последнее слово. После разговора с тобой он сказал мне, что позволит ей переехать за реку, только если ты останешься.

– Проклятие...

Джейк поднялся и принялся мерить шагами берег. Бросил сигару в медленно текущую реку. Она зашипела и погасла. Вырвал тростниковую удочку из грязи, куда воткнул ее прежде, и отшвырнул в сторону.

– Это шантаж, – сказал он. – Бэннер будет здорово недовольна. Росс должен бы понимать. Это важно для нее. Сейчас особенно.

– Он понимает. Но он упрям как мул. Он думает, так будет лучше для нее, и ни слезами, ни гневом она его с этого не сдвинет.

Джейк подошел к самой воде, всмотрелся в мрачную глубину. Его плечи беспокойно двигались под ставшей вдруг тесной рубашкой. Его приперли к стене, и ему это не нравилось, чертовски не нравилось. Заставить можно Бэннер, но не его. С ним этот номер не пройдет. Его на привязь не посадишь.

Черти бы всех драли! Он что, в долгу у них?

Джейк сгорбился, застыл. После вчерашней ночи он многое, очень многое им должен. Он не может вернуть им чистоту Бэннер, но может что-то поправить, оставшись здесь, если таково их требование.

– Тебе в любом случае лучше остаться, – сказала Лидия. – Ма стареет. Не хочу пугать тебя, но она уже не так крепка, как прежде. Если ты снова уедешь и пропадешь на много лет, то, вернувшись, можешь не застать ее в живых.

Джейк резко повернулся на каблуках, в сырой земле остались ямки, синие глаза укоризненно остановились на Лидии. Она снова виновато потупилась.

– Ма сильна как лошадь, – отрезал он. – Опять шантаж. И ты туда же.

Лидия поднялась с невероятной для своих лет живостью и грацией. Подошла близко к нему, откинула назад голову и смело встретила его взгляд.

– Ладно. Я дерусь не по-честному. Но я дерусь за жизнь дочери. Ради нее я готова поступиться гордостью. Ты нужен ей. И нам всем. Я прошу тебя, пожалуйста, останься. Не покидай нас.

Джейк смотрел в лицо, которое всегда стояло у него перед глазами. Он любил Лидию так долго, что почти забыл то время, когда был свободен от нее. Он чувствовал, что слабеет, что решимость его расползается по швам, как старая тряпка.

Лидия просит его. Разве в силах он отказать? Однажды он убил ради нее, избавил ее от сводного брата, который не принес ей ничего, кроме страданий и позора. То, что Клэнси оказался убийцей Люка, было просто удачным совпадением. Он все равно с радостью избавил бы Лидию от него.

– Не отвечай сейчас, – мягко сказала она, сжимая руки Джейка. – Отложим до утра, ответишь нам завтра.

Она вскарабкалась на уходивший откосом в реку холм и скрылась за гребнем.

Джейк расхаживал по берегу. Под ногами у него зеленела сочная травка, над головой шумели свежими листьями деревья, в воздухе разливалось благоухание полевых цветов. Он ничего не замечал.

Что делать?

Он должен пойти на это ради Росса и Лидии, должен – за их многолетнюю преданную дружбу. Но даже если он будет работать на них всю жизнь, начиная с сегодняшнего дня, он не искупит случившегося прошлой ночью.

Уверяя его, что он достаточно опытен, что работа ему по плечу, они были искренне убеждены в своей правоте. Черт возьми, конечно. Тут сомнений не возникало. Но разве сможет он изо дня в день смотреть в лицо Бэннер?

А еще он нужен матери. Он покинул ее в беде. Она никогда не попросила бы его остаться, но ей приятно было бы, что он наконец прочно обосновался где-то.

И Бэннер. Мысли Джейка упорно возвращались к ней. Ей нужна опора. Нужна защита. Росс во многом прав. Каждый деревенский чурбан, у которого зуд в штанах, будет теперь охотиться за ней. Он бы защитил ее. Он убил бы любого, кто посмел помыслить прикоснуться к ней.

Джейк удивился себе: он ревновал, как будто кто и впрямь посмел покушаться на его собственность. Это оттого, убеждал он себя, что Бэннер – дочь Лидии, а ее губы, такие послушные, отзывчивые, ее тело, которое так сладко держать в объятиях, здесь абсолютно ни при чем. Как чудесно быть все время рядом с ней, такой юной, теплой...

Проклятие. Не смей думать об этом. Думай о деле.

Если он уедет, Бэннер не получит свое ранчо. Росс, дурья башка, уперся – он, мол, действует в интересах дочери.

Он украл у нее девственность, может ли он украсть у нее теперь еще и землю? В конце концов Росс пойдет на попятный, но когда? А Бэннер ранчо нужно сейчас, чтобы отвлечься от истории с Шелдоном.

Что же ответить?

Он останется. По крайней мере, пока она не встанет на ноги, пока дела не наладятся.

Она заартачится. Положение не из легких. Джейку случалось видеть Бэннер в гневе, он знал – темперамент у этой девочки родительский. Конечно, он с самого начала прояснит ситуацию – они должны забыть о прошлой ночи, сделать вид, что ничего не произошло.

Он убедит Бэннер, что остается для ее же блага. Нравится ей это или нет – он будет ее управляющим.

Мисс Бэннер Коулмэн придется уж потерпеть Джейка Лэнгстона рядом с собой.

5

– Что?

Как и предполагал Джейк, положение оказалось весьма затруднительным.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что назначил Джейка твоим управляющим.

Не успели эти слова слететь с губ Росса, как Бэннер побледнела, потом залилась ярким румянцем, выпрямилась, сжала руки в кулаки. Даже волосы ее, казалось, потрескивали от негодования.

Ее позвали в кабинет вскоре после завтрака. Раньше Бэннер всегда удавалось обвести отца вокруг одного из своих маленьких пальчиков. Но сегодня утром, когда будущее ее зависело от его решения, она с тревогой приблизилась к двери кабинета.

Сказать, что она смутилась, застав Джейка, значит ничего не сказать. Он стоял спиной к собравшимся и глядел в окно. Дым от тонкой сигары поднимался над его головой. Бэннер почувствовала дурноту.

Знают родители? Признался ли им Джейк? Нет, Господи, пожалуйста, нет. Они любят ее, разочарование будет слишком болезненным. Конечно, Джейк промолчал. Лица их выражали заботу, не строгость.

Лидия ободряюще улыбнулась дочери.

– Надела новую юбку? Мне нравится. И блузка очень подходит.

– Доброе утро, принцесса. – Росс шагнул к Бэннер, нежно поцеловал в щеку. – Ты все еще бледненькая. Почему бы тебе не прогуляться сегодня? Не давай Ласточке застаиваться.

Он подвел ее к кожаному дивану и бережно усадил, как будто она была бесценной хрустальной вещью.

– Да не суетитесь вы, ради бога. – В тоне Бэннер послышалось что-то от прежней манеры говорить. – Выживу.

Поняв, что родители не знают про Джейка, она почувствовала громадное облегчение и позволила себе легкую дерзость.

Но Джейк все еще находился в комнате, и это тяготило Бэннер. В его присутствии ей даже дышать было трудно. Ведь они виделись в первый раз после... после того.

Она замечала детали, на которые раньше не обращала внимания. Как туго обтягивают джинсы его ягодицы, разделяя и подчеркивая их. И плечи – они всегда были такими широкими? А осанка небрежно-ленивой? И ноги такими мускулистыми?

Его высокий тонкий силуэт четко вырисовывался на фоне окна. Она помнила каждый сантиметр этого гибкого тела, помнила его тяжесть.

Она припоминала подробности, которые могли быть известны только любовнице, и от этих мыслей ее бросало то в жар, то в холод. «Если я посмотрю на него, то упаду в обморок», – подумала она.

– Мы не хотели раздражать тебя, дорогая, – дипломатично возразила Лидия. – Мы просто подумали, что прогулка...

– Я сегодня поеду на тот берег, – задохнувшись, перебила Бэннер.

Джейк длинными пальцами крутил сигару около рта. Бэннер быстро отвернулась, как будто подсмотрела что-то не предназначенное для посторонних.

– Об этом-то я и хотел поговорить с тобой, – ответил Росс. – Твоя мать передала мне, что ты хочешь переехать на свое ранчо и начать хозяйничать.

– Да, папа, хочу.

Росс взглянул на Лидию и снова на дочь. Он надеялся, что поступает правильно. Она выглядела такой хрупкой, такой потерянной. В душе он призывал громы и молнии на

голову Шелдона. Он не позволит этому сукину сыну разрушить жизнь его дочери. Может, Лидия права. Может, Бэннер нужно предоставить эту возможность снова встать на ноги. Она молода, у нее есть воля и энергия. Сюсюканье только раздражает ее. Безделья ей не вынести.

– Хорошо. Мы не возражаем.

Глаза Бэннер наполнились слезами благодарности. Еще недавно ей казалось, что Грейди для нее дороже всего на свете. Теперь же она поняла, что никогда не любила его и вполнину так сильно, как эту землю. Потерять ее было бы куда тяжелее, чем жениха.

– Спасибо, папа.

– Джейк согласился стать твоим управляющим.

Бэннер вскочила как ошпаренная. Попросила Росса повторить. Когда убийственные слова дошли до нее, она повернулась к Джейку, по-прежнему молча стоявшему у окна. Он не двигался, он прикинулся глухим и слепым к происходившему за его спиной.

Бэннер вновь повернулась к родителям.

– Мне не нужен управляющий.

– Глупости, конечно, нужен, – урезонивающе возразил Росс. – Ты не можешь в одиночку держать ранчо.

– Могу!

– Не можешь. А даже если и можешь – я не позволю уйти тебе из дому и жить одной.

– Это же всего в нескольких километрах.

– Знаю, где это. – Росс повысил голос. – Все, разговор окончен.

– Нет, папа! – Бэннер тоже повысила голос. – Земля моя. Ты отдал ее мне. Принимать решения буду я.

– Земля твоя лишь на этом условии.

– Это нечестно!

– Может, и нечестно, но так оно и будет.

– Успокойтесь вы оба, – сердито вмешалась Лидия. – Послушайте, как вы орете.

Бэннер и Росс примолкли, но кипеть не перестали. Нрав у обоих был одинаково пылким. Бэннер встретила сверкающий взгляд отца таким же горящим взглядом. И подбородок у нее был столь же воинственно выпячен.

Лидия взяла на себя роль миротворца.

– Бэннер, мы думали, ты обрадуешься. Разве не этого ты хотела? Ты ничего не можешь иметь против Джейка. Ты всегда любила его и умоляла остаться каждый раз, как он собирался покинуть нас.

Бэннер метнула быстрый взгляд на Джейка. Он по-прежнему смотрел в окно, будто не слышал их разговора.

– Я не против Джейка. Конечно, причина не в нем. – Бэннер нервно облизнула губы и выпалила: – Я просто не хочу, чтоб кто-то за мной присматривал. Я не ребенок. Вы что, думаете, я не способна заниматься делом?

– Мы с Лидией не сомневаемся в тебе, – отчеканил Росс.

– Тогда разрешите мне управлять ранчо как я сочту нужным.

– Джейк не собирается мешать тебе, – продолжил Росс. – Джейк, мы не слышим тебя. Ты что, собираешься делать все Бэннер поперек?

Джейк медленно повернулся лицом к присутствующим. Но этого Бэннер уже не видела, потому что уперлась глазами в пол. Только усилием воли она сдержалась, не заломила руки.

– Я знаю, что надо делать, – заговорил Джейк, глотая слова. – И Бэннер знает. Ну, мы можем неплохо сработаться. Но я не стану навязываться. – Он сделал полную значения паузу. – Ты как, Бэннер?

Она не могла, просто не могла взглянуть ему в глаза и прочесть в них насмешку. Но выбора не было. Родители смотрели на нее, ждали ответа. Она медленно подняла голову.

Лицо Джейка было непроницаемо. Глаза холодные, не виноватые, но и не самодовольные – пустые той пустотой, которую она чувствовала два последних дня. Ей хотелось взглянуть, прочесть, какие мысли кроются за этой бесстрастной маской, но пора было отвечать.

– Это мое ранчо, – объявила она. – Я имею право сама найти себе управляющего.

Губы Джейка скривились, глаза мигнули, как будто его ударили по лицу.

– Ты думаешь, я недостаточно опытен?

Неожиданно она разозлилась на него. Если бы он не заискивал перед Россом и Лидией, она не очутилась бы в таком дурацком положении. Его оборонительная позиция окончательно вывела ее из себя.

– Я знаю, опыт у тебя есть. Но тебя выбрали родители, чтоб при мне была нянька. А мне не нужна нянька и не нужен сторожевой пес!

– Нянька! – вскрикнул Джейк, наступая на Бэннер. Они почти столкнулись лбами. – Ты что, думаешь, я с ложечки тебя кормить буду? Не угадала, попробуй еще разок, юная леди. Да знаешь ли, какой это труд, сколько надо поломать спину, чтоб устроить такое местечко, как у вас здесь. Ты не помнишь, сколько крови и пота стоила Излучина Россу и Лидии, но я-то помню.

Глаза Бэннер опасно сверкнули.

– Я не дура, Джейк Лэнгстон, и прошу не разговаривать со мной как с душой.

– Хорошо, но тогда прекрати молоть чепуху. Не воображай, я не собираюсь целый день просиживать штаны в доме, развлекая тебя. Это в мои планы не входит.

– Развлекать меня... ты... – прошипела она.

Росс прислонился к столу и, скрестив ноги и руки, наслаждался этой сценой. Джейк вконец со всеми прочими избаловал Бэннер. Пускай познакомится с оборотными сторонами ее характера. Тем лучше, ее строптивость не заставит его отказаться от работы, наоборот, подстегнет.

Лидия спокойно уселась на диван, расправила юбку и тоже наблюдала происходящее с видом зрителя на театральном представлении. Она узнавала своеобразие дочери. Вот теперь перед ней настоящая Бэннер, а не рыдающая обманутая невеста. И Лидия радовалась этой перемене.

– Я вовсе не жду, что кто-нибудь будет развлекать меня.

– Ну, хоть что-то выяснили.

– Я намерена выполнять свою долю работы, – добавила Бэннер, нетерпеливым движением откидывая назад волосы.

– Чертовски правильное намерение, – веско согласился Джейк и для пущей убедительности покачал пальцем у нее перед носом.

Она отмахнулась.

– Так что в этом вопросе мы пришли к согласию. И перестань кричать на меня.

– Я просто не хочу, чтоб ты хлопнулась в обморок, как только мы окажемся там.

– Да я в жизни не падала в обморок!

– Потому что на тебе будет не только работа на ранчо, – продолжал Джейк, будто не слышал ее слов, – но и ежедневная возня по хозяйству, ну там готовка, воды накачать, принести дров на растопку.

– Уж поесть я себе как-нибудь сготовлю, мистер Лэнгстон, но не воображайте, что я собираюсь терять время и торчать у горячей плиты вместо того, чтобы работать на воздухе.

– Но, дорогая, тебе придется готовить и Джейку.

Мечущийся взгляд Бэннер искал глаза матери. Рот приоткрылся, но она была так оглушена, что не могла произнести ни слова.

– Но... но... почему бы ему не есть вместе с другими работниками?

– Это было бы чертовски неудобно, – пояснил Росс. – Жить-то он будет с тобой. Мы полагаем, он может спать в чулане за конюшней.

Глаза Бэннер недоверчиво перебежали с отца на мать. Наконец она взглянула на Джейка.

– Ты согласился спать... жить там?

Вопрос этот имел громадное значение. Они почти пришли к соглашению. Хорошо, они будут работать вместе. Обязанности у них разные, так что им не слишком часто придется сталкиваться. Но узнать, что он будет там каждую ночь, будет спать так близко от дома, есть вместе с ней, – это что-то новенькое.

– Еще одно из условий договора. – Слова, казалось, с трудом срывались с онемевших губ Джейка.

Бэннер отвернулась. Возможно, возможно, она бы приняла условие отца – согласилась бы, чтобы Джейк управлял ее ранчо. Но жить так близко от него, знать, что каждый раз при взгляде на нее он вспоминает ту ночь... Никогда.

Она посмотрела на Росса и надменно откинула голову.

– Я не принимаю твоих условий. Как я уже говорила, я хочу независимости. Я не желаю, чтоб за мной присматривали, как за ребенком.

– Тогда мы зря теряем время, – сердито заявил Росс, – потому что одна ты туда не поедешь.

Бэннер послала отцу улыбку, которая еще ни разу не подвела ее, с ее помощью она выпрашивала у Росса сласти.

– Может, передумаешь, папочка?

– На этот раз нет. Или ты поедешь с Джейком, или тебе придется обойтись некоторое время без собственного ранчо.

Твердые нотки в отцовском голосе заставили Бэннер вздрогнуть.

– Ты не можешь так поступить!

– Может, – произнес Джейк со спокойной внушительностью, заставившей Бэннер перевести взгляд на него. – Сначала я отказался от этого места. Мне хотелось связываться с твоим ранчо не больше, чем тебе со мной. Но Росс не отдаст тебе землю, если ты не поступишь по-его.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Бэннер отвернулась первой.

– Мама?

– Не могу спорить с Россом. Это для твоего же блага. Тебе нужен защитник.

Бэннер позабавили слова матери. Но улыбнуться она не решилась. Она боялась, что, засмеявшись, не сможет остановиться. Разве не естественно в ее положении устроить истерику? Какая роскошь – перестать сдерживаться, завопить, заплакать. Но она не могла рисковать, не могла отпустить вожжи – потери могут оказаться невозместимыми.

По лицу Джейка ничего не поймешь. О чем он думает? Что таится в глубине его глаз? Жалость? Боже упаси! Он согласился работать на ранчо потому, что жалел ее? Потому что ее выставили душой перед всем городом или потому, что она сама себя выставила душой, пытаясь соблазнить его? Надо же было так опозориться!

Бэннер вздернула подбородок. Ну уж нет. Будь она проклята, она не примет одолжений от этого бродяги, от никчемного ковбоя Джейка Лэнгстона. И он еще посмел жалеть ее – как это горько, как нестерпимо обидно!

– Я подумаю и дам вам знать, – надменно бросила она и с высоко поднятой головой выплыла из комнаты.

Как только дверь за ней закрылась, Джейк энергично выругался.

– Тысяча чертей, я ведь говорил вам обоим – ей это не придется по вкусу. Давайте-ка похерим наше соглашение прямо сейчас.

Росс усмехнулся.

– Все будет нормально. Ей слишком хочется получить землю. Она просто заупрямилась. Ее бы отшлепать хорошенько, чтоб помирней стала. Испорченная девчонка, привыкла все делать по-своему. Лидия была с ней недостаточно строга.

– Я?! – Лидия повернулась к мужу и уперлась руками в бока. – Чья бы корова мычала, Росс Коулмэн. Да она всю жизнь из тебя веревки вьет. И упрямство у нее твое, я уж молчу о характере.

Росс ухватил жену за пояс юбки, притянул к себе.

– А вздорность от тебя, – проворчал он, ловя ее губы.

– Перестань. Я серьезно. Пора обедать, мне нужно...

Сопротивлялась Лидия недолго, не дольше, чем длится вздох, удар сердца. Росс зажал ей рот властным поцелуем, а она отклонила голову, чтобы сполна насладиться им.

– Нужно прогулять Бурана, – пробормотал Джейк и, сняв шляпу с крючка у двери, нахлобучил ее на голову. Выходя, он хлопнул дверью, но Коулмэны не обратили на это никакого внимания.

После обеда Драммонды собрались домой. Мэринелл ехала с ними до Остина. Обычная предотъездная неразбериха, все прощаются, обнимаются, целуются. Бэннер старалась не смотреть на Джейка. Нельзя сказать, что старания ее увенчались успехом. Если его и волновало решение, которое ей предстояло принять, виду он не показывал. Он играл с племянниками и племянницами, серьезно толковал с Гектором о ценах на продукты, дразнил Мэринелл старой девой, пока она не стукнула его по голове оловянной меркой.

Бэннер помахала рукой отъезжающим и сразу же, сославшись на головную боль, укрылась у себя в комнате. Очевидное равнодушие Джейка уязвило ее: ведь она-то места себе не находила.

Если бы папа назначил кого-то другого, а не Джейка...

На этой мысли она споткнулась. Но кого же, как не Джейка? Если бы Бэннер могла вернуться на сорок восемь часов назад, вычеркнуть из своего прошлого тот час в конюшне, она была бы в бешеном восторге: еще бы – Джейк согласился стать ее управляющим!

Получается, она сама виновата.

Вот он смотрит на нее – и что же видит? Видит ли он ее как она сейчас – в простой белой блузке и темно-синей юбке с разрезом? Или она навсегда отпечаталась в его мозгу в прозрачной ночной сорочке, которая не могла защитить ее от его умелых ласк?

Помнит ли он, как быстро она оправилась от потрясения, как губы ее раскрылись, принимая его язык – неторопливое, ласкающее, пронзающее насквозь жало, которое Бэннер никогда не забудет.

О боже, простонала она. Помнит ли он, как ее руки ритмично перебирали пряди его волос? И как бесстыдно она звала его, повторяла его имя, словно твердила молитву, когда он оказался в ней?

Конечно, помнит. Ведь ее воспоминания настолько яркие, что заставляют сердце биться сильнее, будто это происходит снова. Значит, и у Джейка так?

Бэннер закрыла лицо руками. Выходит, она пожертвовала мечтой о собственном ранчо из-за одной глупой ночи? Не дорого ли обходится ей гордость?

Она совершила ошибку, и последствия не замедлили сказаться. Но что же, неужели ей теперь всю оставшуюся жизнь носить власяницу? Джейк, очевидно, заставил себя забыть, чтобы жить дальше. А у нее не останется смелости? Она будет всегда съезживаться под его взглядом? Да будь она проклята, если доставит ему такое удовольствие.

Бэннер облокотилась на подоконник, легла грудью на лежавшие на нем подушки, лицо ее подергивалось от волнения. Через стекло она видела столб пыли, которую поднимала повозка, везущая Лэнгстонов на станцию. Все время, что они гостили в Излучине, Бэннер

страдала и не могла по-настоящему насладиться их обществом. Теперь она с тоской смотрела им вслед. Она была привязана к ним. Лэнгстоны хоть и не родственники, но все же часть ее семьи.

Подрастая, Бэннер стала задаваться вопросами: почему у нее нет бабушек, дедушек, двоюродных братьев и сестер? Когда она начала ходить в школу и, сравнивая себя с другими детьми, обнаружила эту недостачу в своей жизни, она попыталась расспросить родителей. Где у нее бабушки, дедушки, дяди и тети, кузены? Почему у нее нет того, что есть у ее сверстников?

Ответы были неопределенными и не удовлетворили ее. Но с возрастом Бэннер поняла, что уклончивость Росса и Лидии не случайна, и тактично прекратила расспросы. Казалось, до приезда в Техас отец с матерью не жили, у них не было прошлого. Даже о времени, которое они провели уже вдвоем в обозе, родители рассказывали неохотно.

Может, у них была общая тайна? Может, поэтому они часто улыбались друг другу улыбкой, смысл которой был непонятен никому больше? Их мир – заповедная область: вход туда запрещен даже Ли и Бэннер, их детям.

Бэннер не знала, зачем ей нужно было получить ответы на свои вопросы. Но ее будто подуживало что-то, не давало покоя, заставляло доискиваться – кто ее родители, откуда они, какая причуда судьбы свела их.

Только Джейк мог дать ключ к разгадке. Им придется очень много времени проводить вместе. Подобная близость, день за днем, располагает к короткости отношений. Может, он раскроется, разговорится, а то и проговорится случайно, отчего недостающие части головоломки станут на место. А разузнать о прошлом родителей, это ведь чего-нибудь стоит?

Плюсы перевешивали минусы. Не считая неловкости, которую она будет испытывать, сталкиваясь ежедневно лицом к лицу с Джейком, иметь его управляющим весьма выгодно. Да и последние два дня не прошли даром – она научилась справляться с трудностями. Но не запоздал ли, причем надолго, этот урок? Восемнадцать лет она смотрела на мир сквозь розовые очки. Но вечно оставаться в блаженном неведении невозможно. Пора ей столкнуться с суровой правдой жизни.

Бэннер спустилась вниз только к ужину. Почему-то ей хотелось, чтобы Джейк помучился, дожидаясь ее решения. Без Лэнгстонов и Драммондов кухня казалась просторной и пустой. Ли ужинал во флигеле. Джейка тоже не было, и никто не знал, где он. За стол пришли лишь Бэннер, Росс и Лидия.

Пока не убрали со стола посуду, Бэннер не заговаривала о ранчо. Росс с невинным видом прихлебывал кофе.

– Я хочу поскорее отправиться к себе на ранчо, – внезапно объявила она. Росс вопросительно поднял брови. Проглотив остатки гордости, Бэннер добавила: – Джейк поедет со мной, я беру его в управляющие.

Она не преминула заметить, что родители удовлетворенно, но без злорадства переглянулись. Росс только бросил: «Хорошо» – и сделал еще глоток.

– Ты получишь двух жеребцов и пять кобыл для начала. Это на одну лошадь больше, чем было у нас с твоей матерью.

– И немного денег на текущие расходы, – добавила Лидия, стоя у раковины и вытирая руки посудным полотенцем.

Муж бросил на нее испепеляющий взгляд.

– На текущие расходы? – переспросил он.

Лидия и ухом не повела на грозный тон. Он давным-давно перестал пугать ее.

– Да, на текущие расходы.

Росс поджал губы под пышными усами. Глаза его сверкнули. Последовала молчаливая схватка двух характеров. Наконец до Бэннер донеслось бормотание отца:

– И немного денег на текущие расходы.

Росс вновь взялся за чашку.

– Спасибо, папа. Я верну аванс в течение года, и сторицей. – Бэннер поднялась. Держалась она по-королевски, как будто уступить пришлось не ей, а отцу. – Пожалуйста, скажи Джейку...

– Ну-ну. Это ты скажи Джейку. Он твой управляющий. Ты настояла, чтоб тебе дали время подумать. Иначе все было бы решено уже утром. Джейк остался в неизвестности по твоей милости, и именно ты принесешь ему хорошие новости.

– Но... – Бэннер прикусила язык. Родители с любопытством смотрели на нее. Не хватало только, чтобы они заинтересовались, отчего это ей так не хочется переговорить с Джейком наедине. Кроме того, пора привыкать к общению с ним, надо переступить через себя. – Хорошо. – Бэннер вышла из кухни, нарочито громко топя, с прямой спиной и высоко поднятой головой. Но чувства ее были в смятении.

Она остановилась в холле, посмотрелась в зеркало, проверила, хорошо ли выглядит. Она успела причесаться, но погода стояла по-весеннему влажная, и волосы растрепались. Лицо побледнело: последние два месяца она почти не выходила. Бэннер ущипнула себя за щеки – вроде немного помогло. Льняная блузка слегка помялась, она поправила ее и вздохнула. Ладно, надо – значит, надо.

С энтузиазмом осужденного, поднимающегося на эшафот, Бэннер толкнула дверь и вышла на крыльцо. Чего они ждут – чтоб она отправилась напрямик во флигель искать Джейка? Да ее же немилосердно задразнят. Кроме того, флигель единственное место на ранчо, где ей запрещено появляться.

Начать с конюшни? Может, он возится с Бураном? Бэннер споткнулась на ровном месте. Нет, она не сможет снова войти в конюшню. Воспоминания еще слишком свежи.

Бэннер нерешительно постояла во дворе, огляделась. И тут счастье улыбнулось ей. Она увидела Джейка – он сидел на заборе, огораживающем ближайшее к дому пастбище, зацепившись каблуками за нижнюю перекладину, слегка сгорбившись, совершенно неподвижный, и пристально смотрел вдаль. В надвигающихся сумерках она различила его профиль. Во рту у него торчала сигара.

Бэннер бесшумно приблизилась. Джейк услышал ее, лишь когда она подошла почти вплотную. Он резко повернулся. Бэннер вздрогнула, отскочила и схватилась рукой за сердце, словно пытаясь удержать его, не дать выскочить из груди. «Трясусь, как безмозглая дура», – обругала она себя.

– Мне... мне надо поговорить с тобой, Джейк.

Он соскользнул с изгороди и неуверенным движением сдернул шляпу. Затем, сознавая, что выглядит нелепо, водрузил ее на место да еще залихватски сдвинул на затылок. Нащупал плечами жердь, на которой только что сидел, и прислонился к забору, всей позой выражая безразличие. Знай Бэннер, что сердце у него колотится так же бешено, как у нее, она бы не волновалась. Но Джейк казался недоступным, полностью владеющим собой, холодным, отстраненным.

Она бросила взгляд на пастбище, куда он глядел минутой раньше. Силуэт ее четко вырисовывался на фоне темнеющего фиолетового неба. Теплый ветерок играл черными как смоль кудрями, то бросая их на щеки, то сдувая вновь.

Она облизнула губы. Джейк заметил это неосознанное движение – такое невинное, но все же возбуждающее – и зажмурился, пытаясь справиться с охватившим его желанием. Снова открыв глаза, он встретился взглядом с Бэннер – она наконец решила повернуться к нему.

– Я хочу, чтоб ты был моим управляющим.

– *Хочешь*, чтоб я был...

Бэннер нетерпеливо махнула рукой.

– У меня нет выбора.

– Отчего же? Прикажи мне собрать пожитки и убраться – и ты никогда больше не увидишь меня.

– Ничего себе выбор! Родители решат, что мы поссорились. Догадаются, что у нас что-то неладно, иначе с чего бы это я отсылаю тебя, а не умоляю остаться, как бывало. И что получится? Ты уедешь, а мне объясняться с ними, – взволнованно проговорила она и быстро отвернулась.

Джейк прижался лбом к перекладине. Бэннер услышала позвякивание шпор, значит, он придвинулся ближе. Но она не только слышала Джейка, она спиной ощущала идущий от него жар. Сигару он бросил, но все равно от него пахло табаком, он насквозь пропитался этим запахом. И запахом кожи. От него пахло мужчиной. Она почувствовала пустоту внутри, а потом невыносимую тяжесть и теплоту между бедрами.

– Бэннер, – мягко спросил он, – ты в порядке?

Она подняла голову.

– Что ты имеешь в виду?

Отбросив притворство, он впился в нее глазами. Это было мучительно.

– Именно то, что сказал. Ты в порядке? Ты... я не сделал тебе больно?

Ей вдруг захотелось наказать его, наброситься на него, измолотить кулаками его грудь. Да, я истекала кровью, я безумно страдала после того, что ты сделал со мной, хотелось ей ответить. Но она не смогла. Потому что все было не так. Джейк не сделал ничего, кроме того, о чем она сама умоляла его. Она покачала головой и только тогда позволила себе отвести взгляд.

Бэннер почувствовала, что Джейк расслабился. Внешне это никак не проявилось, разве что держаться он стал чуть менее напряженно, как человек, задерживавший дыхание и наконец вздохнувший полной грудью.

– Бог мой, я с ума сходил от беспокойства. Я хотел спросить утром... но не было возможности.

Она молчала, и Джейк продолжал. Он безнадежно пытался убедить себя, что все нормально, хотел, чтобы она сказала ему: не стоит больше думать об этом. Он хотел услышать, что с ней все прекрасно, чудесно и она простила его.

– Я тебе говорил, будет больно.

– Я была готова к этому.

– Так все-таки было больно?

– Немножко.

– Мне следовало быть нежнее.

– Все нормально.

– Я не хотел сделать тебе больно.

– Пожалуйста, Джейк, – прошептала Бэннер и, опустив голову, зажала уши, только бы не слышать его слов. Но что толку – они запечатлелись в мозгу, их не заглушить.

Я не хотел сделать тебе больно. Я говорил, будет больно. О, боже милосердный...

Судорога прошла по ее телу. Еще и еще. Даже сейчас она вспоминала то мгновение сладостной боли, когда знала, что находится в полной его власти.

Джейк пристально смотрел на девушку, чувствуя свою беспомощность и злясь на себя. Она выглядела такой робкой и беззащитной. Ряд пуговиц сзади на блузке подчеркивал изящный изгиб спины. Ему хотелось приглубить, успокоить ее, но он не осмеливался.

Раньше он не стал бы задумываться – прикоснуться к Бэннер или нет. Он часто трогал ее, сжимал в медвежьих объятиях, а она визжала якобы от боли. Он дергал ее за выбившиеся из прически своенравные пряди волос. И разве не в самое утро свадьбы он шлепнул ее

по заду? Теперь ничего подобного ему и в голову не пришло бы. Они сами лишили себя невинных забав.

– Я не хочу говорить об этом, – грубовато отрезала Бэннер, отнимая руки от ушей.

– Но мы должны поговорить. Мы не сможем видеться ежедневно, если что-то такое будет все время тяготить нас. Мы спящим через неделю.

Она сердито взглянула ему в лицо.

– Почему ты не подумал об этом раньше, Джейк? Почему ты поставил меня перед выбором? Почему ты просто не отказался от этого предложения и не уехал?

– Я пытался. Но не смог.

– Почему?

Куда делись стыд, смущение? Бэннер опять наступала. Все тело ее вибрировало от сдерживаемого гнева. И желание с новой силой охватило Джейка. Но как мог он желать ее? Ведь он все отдал бы, на что угодно пошел, лишь бы сделать бывшее небывшим. Как мог он вновь хотеть обнять это изящное тело, смять его, прижать к себе, еще раз ощутить вкус сладостных губ? Хотя бы только один раз.

Воспоминания не давали ему покоя, дразнили, как красная тряпка быка. Он знал теперь, как ее кудри, точно змейки, обвиваются вокруг пальцев, знал вкус ее кожи и каковы на ощупь мочки ее ушей. Против воли глаза его опускались к вздымавшейся от гнева груди Бэннер. Неужели его руки в самом деле скользили по ней или все это лишь плод его воображения?

Он снова перевел глаза на лицо девушки, на этот раз на ее губы. Он разжал их, терзал, насиловал своим языком. Невысокого полета шлюха – и та не позволила бы целовать себя так. Джейк ненавидел себя и удивлялся, почему Бэннер не остановила его. И все-таки мечтал вновь целовать ее, вновь пить нектар ее губ.

Джейк резко отвернулся, поставил локти на верхнюю перекладину изгороди, сцепил пальцы и постучал ногтями по зубам. Стало видно, как жестко очерчены его челюсти.

– Я чувствовал, что остаться – мой долг. Перед тобой.

– Долг передо мной? – поперхнулась Бэннер.

– Да. Долг. Так я могу заплатить за то, что отнял у тебя.

– Не надо мне твоих самопожертвований. Ты не взял ничего, кроме того, что я предложила.

Мускулы на его руках напряглись.

– Ты предложила, но я должен был дать тебе подзатыльник и отослать домой. – Джейк смерил Бэннер взглядом. – Я этого не сделал. И теперь должен проследить, чтоб дела на ранчо шли хорошо. Когда они наладятся, может, я уеду с чистой совестью.

– Я не нуждаюсь в твоей жалости!

Джейк повернулся, и Бэннер вспомнила, каким холодным светом способны загораться его глаза.

– Той ночью я не пожалел тебя, не так ли? Черт возьми, не из сострадания я сделал то, что сделал. – Джейк шагнул к Бэннер, схватил ее за плечи. – Я хотел тебя. Ясно и без оговорок, я хотел тебя. Ты задала мне трудную задачу. Настолько трудную, что я не справился с собой. Но если уж я сделал это, то почему не смог овладеть тобой спокойно, бережно, а не как последней...

Он не смог бы объяснить, что остановило поток его слов. Просто губы вдруг сомкнулись, а взгляд стал пустым. Бэннер смотрела на него снизу вверх. Глаза у нее были прозрачными, рот слегка приоткрыт. Совсем взрослое, женское, завораживающее лицо гипнотизировало его.

Мгновения свирепого соития связывали их невидимыми, но прочными, почти осязаемыми путями. Мгновения те нельзя похоронить в склепах памяти – слишком сильная была буря, встряхнувшая их души, – сродни оргазму, потрясшему тело Джейка.

Потом все прошло.

Бэннер первая отвела взгляд. Руки Джейка скользнули с ее плеч. Молчание тянулось бесконечно. Оба были смущены. Бэннер надеялась, что Джейк не догадывается, что она до сих пор страдает от чего-то неведомого, чего-то выше ее понимания. А Джейк беспокоился, как бы Бэннер не догадалась, что ему мучительно хочется вновь обладать ею.

– Почему ты остался?

– Мне нужна работа.

Теперь они говорили резко, почти грубо, не глядя друг на друга. Есть нечто, что должно быть сказано, выяснено прямо сейчас, иначе будет только хуже.

– Ковбоем ты всегда можешь наняться.

– Да, но это не жизнь. Не жизнь для человека в моем возрасте. Мне нужно это место, Бэннер.

– Понимаю. – Она в самом деле понимала. – Это единственная причина?

– Мне нужно быть ближе к Ма. – Джейк привел тот же неубедительный довод, что приводила ему Лидия. Но Ма действительно не молода. Кто знает, когда пробьет ее час?

– Понимаю.

– И все-таки я хочу, чтобы ты знала, – я сначала отказал Россу.

– Почему?

– Потому что. Я знал, каково тебе будет находиться рядом со мной после... после той ночи.

– Что же изменило твое решение?

– Упрямство Росса. Он не дал бы тебе того, чего ты хочешь. Мое согласие было обязательным условием.

– Мы оба знаем – возможно, я бы уломала его. – Теперь Бэннер смотрела Джейку прямо в глаза. Ей неприятно спрашивать, ей ненавистен этот вопрос, но она должна знать. – Почему ты остался?

Он честно встретил ее взгляд.

– Потому что Лидия попросила меня.

Бэннер молча кивнула, повернулась и побрела через луг к дому. Ладно, она спросила, он ответил.

Она удивилась, даже испугалась немного – такую боль причинил ей ответ Джейка.

6

– И это все?

Ванда Бернс, неряшливая по обыкновению, уперлась руками в бока и уставилась на своего новоиспеченного мужа. Она хищно исследовала содержимое ящиков, которые он притащил в их с отцом лачугу: платья, шляпки, перчатки были разбросаны среди едва прикрытых драных тюфяков.

– Все? – проворчал Грейди. – Тебе мало? Да ты не успеешь все снести, как твое отродье появится на свет.

Он с отвращением взглянул на Ванду. Грязная, с обрюзгим лицом, с распухшими руками и ногами, непристойно брюхатая, а он все еще не уверен, что ребенок его. Он представления не имел, зачем она заставила его закупить новых тряпок. Разве чтоб окончательно наложить на него лапу, доказать, что она настоящая миссис Грейди Шелдон.

– Мы с тобой скоро поедem в город, так мне охота нарядиться настоящей леди, – мечтательно протянула Ванда.

Грейди был уверен, что скорее умрет, чем появится с ней на людях, тем паче в городе, где перешептывания и пересуды следовали за ним по пятам.

Он только посмеялся, когда она потребовала обновок. Но зловещая ухмылка Догги, постукивавшего пальцем по стволу ружья, изменила его мнение. Пришлось пообещать принести кое-что из вещей, когда он в следующий раз придет в их домишко в чаще соснового леса. Увы, не только расстояние отделяло отца и дочь от цивилизованного мира.

Бернсы сделали из него идиота, и Грейди это, конечно, не нравилось. Следовало что-то предпринять. Но что? И когда?

– Недурные вещички, а, Ванда? – Догги шагнул в комнату, держа в руках двух мертвых белок. Хотя тушки еще кровоточили, он бросил их на непокрытый, грубо сколоченный стол. – Как муженек, убажает тебя, дорогуша?

– Более-менее, папочка, – сердито отозвалась Ванда. – Но он все еще не хочет позволить мне переехать в город, в его роскошный дом.

Она скорчила Грейди недовольную гримасу. Он не переставал удивляться, как мог когда-то целовать эти раздутые губы.

В тот осенний вечер, когда он впервые увидел ее, она показалась ему довольно смазливой. Он приехал верхом, чтобы купить самогону, но Догги отлучился куда-то, и делами заправляла Ванда. Огромная луна низко висела над верхушками деревьев, воздух был свеж и прохладен. Только что выкупавшаяся в ближайшем ручье, Ванда была сравнительно чистой. Ее вытертое до ниток платье туго обтягивало влажную кожу, видно было, что под платьем на ней ничего нет. А она уж старалась всю, выставляя напоказ свое цветущее тело, виляла бедрами, вся извивалась.

И говорила шепотом, как будто у них уже завелся некий восхитительный секрет. Грейди приходилось стоять совсем близко, чтобы слышать ее, и наклонять голову, чтобы губы их были на одном уровне. Но усилия того стоили: каждое слово льстило его тщеславию.

Он такой высокий, крепкий.

Ей так нравятся его вьющиеся волосы.

Она притворилась, что ей не под силу поднять бочонок, и благодарно заворковала, когда Грейди поднял его на плечо, чтобы помочь ей.

Он сваял дурака. А виновата Бэннер. Это она распалила его. Не обещай ее невинные поцелуи столько страсти, его бы не потянуло отведать, каковы на вкус губы Ванды. А когда он поцеловал ее и почувствовал жаркую готовность ее тела, такого податливого, щедрого, гибкого, как у пантеры, ничто уже не могло остановить его.

Ощущение оказалось потрясающим. Ванда вопила от удовольствия. Она уверяла Грейди, что в постели ему нет равных, словом, выложила все, что ему необходимо было услышать. Будущий тесть Росс Коулмэн раздражал его. Грейди завидовал Коулмэну: тот затмевал его. Но он готов был заплатить эту цену за Бэннер и те выгоды, которые сулил брак с ней. Например, участок леса. Но все же гордость его страдала от каждого посещения Излучины. Никогда ему не сравняться с Россом ни в глазах общества, ни даже в глазах Бэннер.

Ванда Бернс вернула Грейди самоуважение, выкупила его, воспользовавшись своим телом, как звонкой монетой. После того раза он стал приезжать часто. Их встречи были разнузданны, страстны, неистовы. Ванда выматывала его. Но Грейди гордился, что способен удовлетворить женщину с таким сексуальным аппетитом.

Он поговорил кое с кем в городе. Он не закрывал глаз на репутацию Ванды. Наоборот, она гарантировала ему безопасность. Он черпал из того же источника, что и многие, – ведь мужчина имеет право на свою порцию наслаждения, даже если у жены месячные. Черт возьми, он не видел причины, почему бы ему не встречаться с Вандой после свадьбы с Бэннер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.